

Институт Смертельных Наук

Попаданка по ошибке



Ярослава
Князь

Ярослава Князь
Попаданка по ошибке.
Институт Смертельных Наук
Серия «Институт
Смертельных Наук», книга 1

<https://litres.ru/73857529>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я всего лишь хотела заказать роллы с угрём. А получила огурцы, демона-курьера и путёвку в магический институт.

Теперь я — адептка Института Смертельных Наук. Здесь всё идёт не по плану: зелья поют, двери открываются сами, скелеты работают бухгалтерами. А ректор — ледяной красавец, который ждал двести лет и, кажется, дождался. Меня.

Но есть нюанс: древнее пророчество называет меня ключом к источнику силы. Верховный Ковен вызывает на допрос. А враги уже начали охоту. И теперь я должна не только выжить, но и понять: кто я — ошибка, избранная или просто девушка, которая не умеет молчать?

Добро пожаловать в Институт Смертельных Наук. Мантии не жмут, драконы кусаются, ректор бесится. Будет весело.

Содержание

Пролог	4
Глава 1: Если заказать роллы с угрем, то получишь огурцы, дракона и ледяного ректора	8
Глава 2: Если твоя жизнь — абсурд, то дракон просто подтвердит диагноз	40
Глава 3: Если ты сварила поющее зелье и узнала, что ректор ждал тебя двести лет — не волнуйся, это просто понедельник	63
Глава 4: Если твой круг общения — эльфийка, призрак, маньячка и вампир с томатным соком, то ты на верном пути	95
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Ярослава Князь Попаданка по ошибке. Институт Смертельных Наук

Пролог

Кто бы мог подумать, что моя жизнь обернется таким образом? И вот, сижу я на полуразрушенной ступеньке, среди руин института, смотрю на него, в его сверкающие как небо во время грозы глаза, и думаю - все. Пропала.

А он - высоченный, широченный, темноволосый, а главное, злющий как моя родная мать, когда я курицу не разморозила. Хотя нет, матушка добрее выглядела. У нее в глазах, конечно, было желание убивать, но из-за любви держалась. А вот он меня прикончит тоже из-за любви. Из-за любви к науке. Хотя бы потому что я его школу магии разнесла. Подземные лаборатории ушли под землю (ха-ха) мертвым грузом. И все, что было внутри них так же было уничтожено.

- Алис-с-с-а! - он прошипел мое имя...

А я снова вспомнила свою матушку. Она, когда ругалась, всегда меня по фамилии называла, еще обязательно добав-

ляла “Вся в отца”. Воспоминание улыбнуло, я нервно хихикнула.

Кажется, это была последняя капля в чаше его терпения. Я увидела, как глаз ректора дернулся. Ну хорош, как он хорош. Даже с дергающимся глазом.

Представьте себе мужчину, которого природа создавала явно в хорошем настроении и с бокалом выдержанного красного вина. Высокий. Очень высокий. Мне, девушке отнюдь не миниатюрной, приходится задирать голову так сильно, что начинает болеть шея. И эта боль — пожалуй, единственное, что напоминает мне о реальности, когда она смотрит в его глаза.

А глаза у него... Ах, эти глаза! Цвета темного серебра, как ртуть, застывшая в лунном свете. Или как вода в горном озере перед грозой. Они обладают уникальным свойством: смотреть сквозь тебя так, словно ты — неудачно поставленная запятая в древнем заклинании. Студентки млеют и теряют сознание (в основном, от страха). Я же, глядя в эти глаза, в первый день сказала: «Вам бы патчи с гиалуроновой кислотой. И спать ложиться не позже одиннадцати. Я серьезно. Выглядите как человек, который не спал лет триста».

Сейчас он не выглядел как человек, который не спал. Он выглядел как человек, который готов убивать. Медленно. Со вкусом. С наслаждением.

— Ты, — произнёс он ледяным голосом, от которого у меня мурашки побежали по спине, — самое разрушитель-

ное существо, которое когда-либо появлялось в этом Институте. Ты появилась здесь меньше месяца назад. Довела всех до белого каления, а теперь... теперь ты уничтожила подземные лаборатории. Полностью. Вместе с оборудованием. Вместе с образцами. Вместе с артефактами, которым было по несколько сотен лет.

Он перевёл дыхание. Его глаз дёрнулся снова.

— Я ждал двести лет, Алиса. Двести лет я верил, что пророчество приведёт ко мне того, кто изменит всё. Я думал — это будет великий маг. Или мудрый правитель. Или древний дух в человеческом обличье. А пришла ты. Ты, которая разносит мой Институт по камешку!

Он замолчал. Я видела, как вздымается его грудь — он действительно был в ярости. Но почему-то не колдовал. Не замораживал. Не испепелял. Просто стоял и смотрел. И в его серебряных глазах, под слоем злости, я увидела что-то ещё.

— Ты вообще капец, — сказал он. — Ты полный, абсолютный, не поддающийся описанию капец. И знаешь, что самое ужасное?

Я помотала головой. Слова застряли где-то в горле.

— Самое ужасное, — продолжил он, и его голос вдруг стал тише, — что я не могу на тебя злиться. По-настоящему. Я пытаюсь. Я очень стараюсь. Но ты сидишь тут, на обломках, с этим своим нервным смехом, и я... я просто рад, что ты жива.

Я сглотнула.

— Демьян...

— Помолчи, — перебил он. — Я ещё не закончил злиться.

И он замолчал. Просто стоял и смотрел на меня. А я сидела на разрушенной ступеньке и думала: «Вот так. Вот так всё и получилось. Из-за роллов. Из-за огурца. Из-за того, что я не смогла промолчать».

И где-то вдалеке, за руинами подземных лабораторий, занимался рассвет. Оранжевый с фиолетовым. Как всегда. Как в самый первый день.

Глава 1: Если заказать роллы с угрем, то получишь огурцы, дракона и ледяного ректора

Был обычный день.

Понедельник. Хотя, если честно, понедельники у меня никогда не были обычными. Они были... как бы это сказать... понедельничными. Это когда будильник орет так, будто наступил конец света, кофе убегает ровно в тот момент, когда ты отворачиваешься, а в новостях пишут что-то про очередной кризис, и ты понимаешь: ну да, конечно, куда же без него.

Но этот понедельник был особенным. Потому что в обеденный перерыв я решила заказать роллы.

Знаете это чувство, когда ты весь день мечтаешь о чем-то вкусном? Вот у меня было именно оно. Я с утра сидела на телефоне, успокаивала тетеньку, которая трижды забыла пин-код от кредитки и обвиняла в этом лично меня, потом разруливала скандал с мужчиной, которому начислили комиссию в три рубля (он грозился подать в суд, в Гаагу и лично президенту), а потом еще и начальник заглянул с фразой «Алиса, у тебя показатели по допродажам просели, надо что-то делать».

В общем, к обеду я была морально истощена. Мне хоте-

лось только одного: сидеть в тишине, смотреть в окно на серый город и есть роллы. С угрем. Обязательно с угрем. Поэтому что угорь — это моя маленькая гастрономическая радость в этом безумном мире.

Я открыла приложение доставки. Нашла любимый суши-бар. Кликнула «Ролл нежный с угрем», добавила имбирный чай и нажала «Заказать». Система радостно отрапортовала: «Ваш заказ принят. Курьер в пути. Примерное время доставки: 45 минут».

Я откинулась в кресле и улыбнулась. Сорок пять минут — и я буду счастлива.

Ха. Ха. Ха.

Если бы я только знала, что мой курьер окажется не просто курьером. И что вместо угря в роллах будет огурец. И что этот огурец станет катализатором событий, которые перевернут мою жизнь с ног на голову и забросят меня в Институт Смертельных Наук, где ректор — ледяной красавец с манией величия, а студенты — некроманты, которые боятся меня больше, чем восставших мертвецов.

Но давайте по порядку.

Через час курьер все еще не приехал. Я посмотрела на часы. Обеденный перерыв заканчивался через пятнадцать минут. Я позвонила в доставку.

— Здравствуйте, — сказала я голосом, который обычно приберегала для особо проблемных клиентов. Таким голосом можно замораживать воду. — Мой заказ номер 41287.

Где он?

Девушка на том конце пробормотала что-то про «пробки» и «курьер уже выехал». Я вздохнула и повесила трубку.

Через полтора часа я позвонила снова.

— Мой заказ. Где. Он.

— Курьер уже подъезжает, буквально пять минут!

Через два часа я уже не звонила. Я просто смотрела в телефон взглядом, от которого мой кактус на подоконнике слегка завял.

А через два часа и семнадцать минут и с ресепшена позвонили.

Я встала. Медленно. Величественно. Как королева, которая идет на казнь. Или как менеджер колл-центра, у которой украли обед и теперь она готова убивать.

Я прошла в приемную.

На пороге стоял курьер.

И это был... странный курьер. Очень странный. Во-первых, он был одет не в форму службы доставки, а в какой-то черный балахон с капюшоном. Во-вторых, у него были красные глаза. Не как у человека, который не выспался. А реально красные. Как у кролика из рекламы батареек, только страшнее. В-третьих, от него пахло серой. Не как от спичек. А как от преисподней.

Но я тогда не обратила на это внимания. Потому что я была в ярости.

— Два часа семнадцать минут, — произнесла я ледяным

тоном, которому позавидовал бы любой ректор магической академии (я тогда еще не знала, кто такие ректоры, но поверьте, это комплимент). — Я ждала два часа семнадцать минут. У вас совесть есть?

Курьер моргнул. Медленно. Его красные глаза вспыхнули ярче.

— Я... принес ваш заказ, смертная, — сказал он. Голос у него был низкий, с каким-то потусторонним эхом. — Угорь... закончился. Я принес с огурцом.

Вот тут меня и накрыло.

— С огурцом?! — мой голос взлетел на две октавы. — Я заказывала с угрем! Угрем! Вы знаете, что такое угорь? Это такая длинная рыба! Не огурец! Овощ! Зеленый! В пупырышках! Вы хоть понимаете, что я весь день ждала этот обед?! Что у меня был токсичный клиент, который грозился подать в суд за три рубля?! Что мой начальник дышит мне в затылок из-за просевших продаж?! Что мой единственный шанс на счастье сегодня — это чертов угорь в чертовых роллах?!

Я наступала на него, а он отступал. Его красные глаза расширились. Кажется, он не ожидал такого напора от простой смертной.

— Я... я могу вернуть деньги... — пробормотал он.

— Деньги?! — я уже почти кричала. — Мне не нужны деньги! Мне нужен угорь! У-горь! Понимаете?! И я буду жаловаться! Я напишу жалобу! Я дойду до вашего руководства!

До самого главного! До вашего... вашего... Верховного Божества, или кто у вас там!

Курьер вдруг замер. Его красные глаза вспыхнули так ярко, что на секунду осветили всю нашу приемную.

— Верховное Божество? — переспросил он каким-то странным, вибрирующим голосом. — Ты... призываешь Высшие Силы... из-за угря?

— Да! — рывкнула я. — Из-за угря! И из-за вашего отношения к работе! Два часа семнадцать минут! Это неуважение! Это халатность! Это...

Я не договорила.

Потому что курьер вдруг выбросил вперед руку, схватил меня за запястье и произнес нараспев что-то на языке, от которого у меня заложило уши. В приемной запахло серой так сильно, что защипало глаза. Пол под ногами исчез. Мир завертелся, закружился, и я услышала его голос, полный ужаса и благоговения:

— Да будет так! Ритуал Переселения Неадекватного Клиента — исполнен! Да примет тебя Институт Смертельных Наук, о смертная, ибо никто из нашего мира не способен вынести твой гнев!

— Что?! — заорала я. — Какой ритуал?! Какой неадекватный клиент?! Верните меня обратно! У меня отчет не сдан! У меня начальник...

Но договорить я не успела.

Мир схлопнулся в одну яркую точку. А потом взорвался.

Я стояла посреди огромного зала. Высоченные своды терялись где-то в полумраке, витражные окна изображали что-то мрачное и эпичное — кажется, скелеты танцевали с какими-то тварями, или это была битва, я не успела рассмотреть. В зале пахло старой бумагой, воском и... страхом. Да, именно страхом. Я его чую за километр. В колл-центре он пахнет точно так же.

Вокруг меня стояли люди. Много людей. Все в черных мантиях, с бледными лицами и круглыми от удивления глазами. Студенты, наверное. Или секта. Я пока не разобралась.

А передо мной стоял ОН.

Высокий. Очень высокий. Я со своими ста семьюдесятью сантиметрами почувствовала себя гномом. Черные волосы уложены идеально, волосок к волоску. Скулы острые, как ножи. Глаза серебряные, холодные, смотрят на меня так, будто я не человек, а проблема, которую нужно решить. Желательно — магическим способом и без свидетелей.

— Кто. Вы. Такая, — произнес он ледяным тоном. Это был не вопрос. Это был приговор.

Я моргнула. Посмотрела на чек в своей руке. Потом на пакет с роллами. Потом снова на него.

— Алиса, — сказала я бодро, как будто пришла на собеседование. — Можно просто Алиса. А вас как зовут? И где тут у вас можно написать жалобу на курьера? Потому что он, во-первых, опоздал на два часа семнадцать минут, во-вторых, привез роллы с огурцом вместо угря, а в-третьих — закинул

меня сюда без моего согласия. Я требую справедливости.

В зале повисла тишина. Такая тишина, что я услышала, как у кого-то из студентов в заднем ряду зачесалась голова. Он почесал. И тут же замер, испуганно глядя на нас.

Директор (а это явно был он, потому что только начальство смотрит на людей с таким выражением лица, будто они все должны ему денег) медленно повернул голову к толпе.

— Собрание окончено, — произнес он тем же ледяным тоном. — Все свободны.

— Что значит «окончено»? — возмутилась я. — А меня спросить? Может, я хочу выступить! У меня, между прочим, серьезные претензии к вашему курьеру! И к качеству обслуживания в целом! Я требую...

Я не договорила.

Потому что он сделал шаг ко мне. Один. Всего один. Но этого хватило, чтобы воздух вокруг меня сгустился, как желе. Люди за моей спиной дружно сделали шаг назад. Кто-то пискнул. Кажется, девушка в первом ряду. Или парень. Я не разобрала.

— Вы, — произнес директор, и каждое слово падало, как кусок льда на пол, — требуете?

Он смотрел на меня сверху вниз. Буквально. Я задрала голову так, что шея хрустнула. Но я не отступила. Я в колл-центре с такими интонациями работала пять лет. Меня на испуг не возьмешь.

— Да, требую, — сказала я, скрестив руки на груди. —

У вас тут что, беспредел? Курьеры опаздывают, заказы путают, людей похищают без предупреждения, а вы собрание закрываете? А где повестка дня? Где протокол? Где, в конце концов, книга жалоб и предложений?!

Он смотрел на меня. Долго. Очень долго. Я видела, как в его серебряных глазах что-то мелькнуло. Не гнев. Нет. Гнев — это когда человек краснеет и орет. А он был бледен и спокоен, как айсберг. В его глазах мелькнуло что-то другое. Искра. Маленькая, едва заметная искра... любопытства? Или это было желание меня придушить? Я пока не поняла.

А потом он сделал то, чего я совершенно не ожидала.

Он повернулся к залу. Ко всем этим людям в черных мантиях, которые замерли, боясь дышать. И произнес:

— Приношу извинения за прерванное собрание.

У меня челюсть упала. У сектантов, кажется, тоже. Кто-то сзади охнул. Девушка в первом ряду схватилась за сердце. Парень рядом с ней начал икать от шока.

— Институт Смертельных Наук приветствует нашу... гостью, — продолжил он, и слово «гостью» прозвучало так, будто он хотел сказать «проблему», но в последний момент передумал. — Собрание будет продолжено завтра. В это же время. А сейчас — прошу всех разойтись.

И тут я поняла. Это не директор. Это ректор! И это не сектанты!

Он замолчал. Зал не двигался. Все смотрели на него с таким ужасом, будто он только что объявил, что лично будет

принимать экзамены.

— Живо, — добавил он.

И зал опустел за три секунды. Я даже не поняла, как это произошло. Только что вокруг стояла толпа — и вот уже никого. Только ветер гуляет по пустому залу, и где-то в углу одиноко висит чья-то забытая мантия.

Я повернулась к ректору, чтобы продолжить разговор. Открыла рот.

И в этот момент он схватил меня за шиворот.

— Эй! — возмутилась я, болтаясь в воздухе, как котенок. — Что вы себе позволяете?! Отпустите немедленно! Я буду жаловаться! У вас есть вышестоящее руководство?! Я дойду до самого верха! До вашего Министерства Магии! До Верховной ведьмы! До президента, в конце концов!

Он не слушал. Он шел к выходу из зала широкими шагами, а я болталась у него в руке, как мешок с картошкой. Блузка задралась, волосы растрепались, чек из суши-бара выпал и остался лежать на полу, как символ моей разрушенной жизни.

— Поставьте меня на место! — орала я. — Вы не имеете права! Я требую адвоката! Я требую звонок! Я требую...

Он выволок меня в коридор. Длинный, мрачный, освещенный факелами. Seriously, у них тут что, электричества нет? Двадцать первый век на дворе, а они с факелами ходят!

Дверь в зал захлопнулась за нами с гулким эхом. И только тогда он остановился. Развернул меня к себе лицом. Поста-

вил на пол. Не отпуская, правда, воротника моей блузки.

Я оказалась прижатой к холодной каменной стене. Он нависал надо мной, как скала. Как грозовая туча. Как... как очень злой и очень красивый мужчина, который явно не привык, чтобы с ним спорили.

— А теперь, — произнес он тихо. Очень тихо. Так тихо, что мне пришлось затаить дыхание, чтобы расслышать. — А теперь, адептка, мы поговорим. Без свидетелей. Без жалоб. Без ваших... требований.

Он сделал паузу. Его серебряные глаза впились в мои.

— Как. Вы. Здесь. Оказались.

Я сглотнула. Не от страха. Нет. Просто в горле пересохло. От возмущения, разумеется.

— Я уже сказала, — прохрипела я, пытаюсь вырваться из его хватки. — Курьер. Роллы. Огурец вместо угря. Ритуал какой-то дурацкий. «Переселение Неадекватного Клиента», кажется. Я не виновата, что ваш сотрудник не умеет работать с возражениями! И вообще, отпустите меня, вы мне блузку сейчас порвете! Я думаю, что вашей школе магии и волшебства не подойдет имидж с полуголыми девицами!

Он смотрел на меня. Долго. Очень долго. А потом вдруг отпустил. Резко, будто обжегся.

Я пошатнулась, но устояла. Поправила блузку. Вздернула подбородок.

— И вот еще что, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Если вы думаете, что можете меня запугать, то вы ошибаете.

тесь. Я пять лет работала в колл-центре. Со мной разговаривали такими голосами, что ваш — просто колыбельная. Так что либо вы мне помогаете вернуться обратно, либо я остаюсь здесь. А я, предупреждаю сразу, очень дотошная. Я буду задавать вопросы. Много вопросов. И не успокоюсь, пока не получу на них ответы. И еще...

Я сделала шаг к нему. Он не отступил. Но в его глазах снова мелькнула та самая искра.

— У вас глаза уставшие, — сказала я уже мягче. — Вам бы патчи с гиалуроновой кислотой. И спать ложиться не позже одиннадцати. Я серьезно. Выглядите как человек, который не спал лет триста.

Он моргнул. Медленно. Как ящерица. Или как человек, который только что понял: перед ним стоит не просто проблема. Перед ним стоит проблема с наглой улыбкой и знанием косметологии.

— Вы... — начал он.

— Алиса, — подсказала я. — Можно просто Алиса. А вас как зовут? А то неудобно общаться без имен. Я вас пока мысленно называю... хм, нет, не расскажу, а то еще придушите меня тут по тихой грусти.

Он снова моргнул. А потом сделал то, чего я совершенно не ожидала.

Он усмехнулся.

Не засмеялся. Нет. Просто уголок его губ чуть дернулся вверх. На секунду. На одно мгновение. Но я заметила. И что-

то в моей груди ёкнуло.

— Лорд Дамиан Рейнхарт фон Ашерон, — произнес он, и его голос стал чуть менее ледяным. — Ректор Института Смертельных Наук. И вы, адептка Алиса, только что сорвали ежегодное собрание, на котором я должен был объявить о повышении платы за обучение. За что я вам, пожалуй, даже благодарен.

Я улыбнулась.

— Всегда пожалуйста, Демьян. А теперь, может, покажете, где у вас тут столовая? А то мои роллы с огурцом остались в зале, а я с обеда ничего не ела. И да, у вас тут что, правда факелы? Seriously? А электричество провести — религия не позволяет?

Он посмотрел на меня долгим взглядом. А потом развернулся и пошел по коридору.

— За мной, — бросил он через плечо. — И попробуйте только еще раз назвать меня Демьяном при студентах.

Я догнала его в два шага.

— А как вас называть? Дамиан? Дема? Дамик? Дайте два?

Он остановился. Повернулся. Посмотрел на меня так, что факел на стене потух.

— Лорд Ашерон, — произнес он ледяным тоном. — Или «Ваше Ледяное Великолепие». Выбирайте.

Я фыркнула.

— Хорошо, Ваше Ледяное Великолепие. Ведите в столовую. И расскажите по дороге, что это за Институт такой и

почему он Смертельных Наук. Звучит как место, где очень плохо кормят.

Он ничего не ответил. Просто пошел вперед. Но я заметила, что его плечи чуть расслабились. А еще мне показалось, что он... не злится. Может быть, даже наоборот.

Лорд Ашерон шел по коридору так быстро, что я почти бежала за ним. Его черный мундир развевался за спиной, как крылья гигантского ворона. Я старалась не отставать, попутно разглядывая обстановку.

Институт Смертельных Наук оказался именно таким, каким его представляешь, когда слышишь это название. Мрачные каменные стены, высокие стрельчатые окна, за которыми сгушались сумерки (хотя у меня в мире был день, часов двенадцать, не больше), и бесконечные ряды факелов. Настоящих. Живых. Один из них, когда я проходила мимо, чихнул искрами и попытался подпалить мне волосы.

— Эй! — возмутилась я, отскакивая. — У вас тут что, техника безопасности отсутствует как понятие?

Ректор даже не обернулся.

— Факелы — это низшие огненные духи, — бросил он через плечо. — Они чувствуют страх и неуверенность. И питаются ими.

— А этот чего тогда ко мне полез? — я покосилась на факел, который теперь делал вид, что он просто освещает коридор и вообще ни при чем.

Лорд Ашерон на секунду остановился и посмотрел на ме-

ня через плечо. В его серебряных глазах мелькнуло что-то похожее на веселье. Или на предвкушение.

— Вы не боитесь, — сказал он. — Это их... озадачивает. Они не привыкли к смертным, которые не испытывают страха перед неизвестным.

Я хмыкнула.

— Я пять лет работала с клиентами, которые орут в трубку из-за трех рублей комиссии. Поверьте, Демьян, после этого меня сложно чем-то напугать.

Он дернул плечом, но ничего не сказал. Кажется, он уже смирился с тем, что «Демьян» — это теперь его второе имя. По крайней мере, в моей голове.

Мы свернули за угол, и я чуть не врезалась в его спину, потому что он резко остановился перед огромной двустворчатой дверью. Дверь была черной, с серебряными рунами, которые слабо светились в полумраке. Над ней висела табличка: «Трапезный зал. Вход только для живых. Полуживым — с разрешения ректора. Мертвым — в отдельную очередь».

— Seriously? — я ткнула пальцем в табличку. — У вас тут что, и мертвые питаются?

— Они не питаются, — ответил лорд Ашерон, толкая дверь. — Они... присутствуют. Для компании. Некроманты скучают по своим творениям во время обеда.

Я открыла рот, чтобы спросить, как именно мертвые «присутствуют», но не успела. Потому что дверь распахнулась, и я увидела столовую.

Это было... неожиданно.

Я ожидала мрачного подземелья с деревянными скамьями и похлебкой из котла. Ну, знаете, как в фильмах про магические школы.

Вместо этого я увидела огромный зал с высоченным потолком, который терялся где-то в облаках. Серьезно, там были облака. Маленькие, пушистые, они плыли под сводами, и из них иногда сверкали молнии. Столы были расставлены по всему залу — длинные, деревянные, но с нормальными стульями, а не скамьями. И на столах... На столах стояла еда. Много еды. И она двигалась.

Салат в одной из мисок шевелил листьями, как будто дышал. Суп в огромной супнице булькал и что-то бормотал себе под нос. А жаркое на блюде в центре стола... Оно посмотрело на меня. У него были глаза. Маленькие, черные, сделанные из горошин перца. Но они смотрели. Прямо на меня.

— Оно... живое? — прошептала я, хватая лорда Ашерона за рукав.

— Разумеется, — ответил он, даже не взглянув на меня. — Еда в Институте Смертельных Наук готовится с использованием магии жизни. Чтобы поддерживать силы адептов, которые тратят энергию на некромантию. Если еда будет мертвой, она не даст нужного эффекта.

— То есть я должна съесть что-то, что на меня смотрит?

— У вас есть выбор: смотреть в ответ или закрыть глаза.

Я сглотнула. Жаркое моргнуло горошинами перца. Я

моргнула в ответ. Мы установили зрительный контакт. Это было странно.

— Ладно, — сказала я, отпуская его рукав. — Я справлюсь. В конце концов, я ела суши с угрем. Угорь тоже когда-то был живым. Просто он не смотрел на меня с тарелки.

Лорд Ашерон хмыкнул. Кажется, это был смех. В его исполнении. То есть — короткий выдох носом и легкое подергивание уголка губ.

Мы прошли вглубь зала. Студенты, которые уже сидели за столами, провожали нас взглядами. Точнее, провожали меня. На лорда Ашерона они старались не смотреть, как на солнце — знают, что есть, но глаза поднимать боятся. А вот меня разглядывали с жадным любопытством.

Я заметила девушку с пепельными волосами, которая шепталась с подругой, показывая на меня пальцем. Парня с татуировкой черепа на шее, который чуть не подавился супом, когда я прошла мимо. И еще одного студента, который был... прозрачным. Seriously. Я видела сквозь него стул, на котором он сидел.

— Это призрак? — спросила я шепотом, наклоняясь к лорду Ашерону.

— Адепт третьего курса, — ответил он, даже не взглянув. — Неудачный эксперимент с зельем невидимости. Теперь он полупрозрачный. Но задания сдает вовремя, так что мы его не отчисляем.

— А обратно стать видимым можно?

— Теоретически — да. Практически — он уже привык. Говорит, что так удобнее подслушивать разговоры преподавателей.

Я уважительно кивнула. Парень-призрак поймал мой взгляд, улыбнулся и помахал рукой. Я помахала в ответ. Кажется, у меня появился первый потенциальный союзник в этом безумном месте.

Лорд Ашерон подвел меня к отдельному столу, который стоял на небольшом возвышении. Видимо, для преподавателей. Или для особо важных персон. Или для тех, кого ректор лично привел за шиворот.

— Садитесь, — сказал он, указывая на стул.

Я села. Стул подо мной вздохнул и чуть подстроился под форму моего тела. Удобно. Очень удобно. Интересно, у них тут вся мебель с характером?

Лорд Ашерон сел напротив. Сложил руки перед собой. Посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом.

— Алиса, — произнес он медленно, будто пробуя мое имя на вкус. — Вы понимаете, что произошло?

— Меня похитил курьер-демон из-за роллов с огурцом, — ответила я, не моргнув. — И теперь я в магическом институте, где еда смотрит на меня, а студенты бывают прозрачными. Я правильно резюмирую?

Он снова издал этот короткий выдох-смех.

— Почти. Курьер был не демоном. Он был низшим духом доставки. Они работают на границе миров, переносят пред-

меты и... иногда существ. По ошибке. Обычно они не проводят ритуалы.

— А этот провел.

— Потому что вы его напугали.

Я моргнула.

— Я? Напугала? Чем? Тем, что попросила угря вместо огурца?

Лорд Ашерон чуть наклонился вперед. Его серебряные глаза блеснули в свете факелов (которые тут тоже были, только вели себя прилично и не чихали).

— Адептка Алиса, — сказал он тихо. — Вы даже не представляете, насколько сильна ваша... энергия. Ваш гнев. Ваше возмущение. Духи доставки чувствуют такие вещи. Вы были настолько возмущены, что ваш эмоциональный всплеск пробил границу миров. Дух просто... воспользовался моментом. И провел ритуал, который обычно используют для перемещения опасных существ в места их изоляции.

— То есть, — медленно произнесла я, — вы хотите сказать, что я попала сюда, потому что слишком сильно разозлилась из-за роллов?

— Именно.

Я замолчала. Переваривала информацию. Лорд Ашерон ждал, не сводя с меня глаз.

— Ладно, — сказала я наконец. — Допустим. И что теперь? Как мне вернуться обратно? У меня там отчет не сдан, начальник будет рвать, и вообще — у меня дома кот некорм-

ленный.

— Кот?

— Да, кот. Рыжий. Наглый. Зовут Бутерброд. Если я не вернусь через два дня, он начнет жрать мои комнатные цветы. А у меня фикус, между прочим, от бабушки достался. Реликвия.

Лорд Ашерон смотрел на меня с выражением лица, которое я не могла расшифровать. Что-то среднее между «вы сумасшедшая» и «вы самое интересное существо, которое я встречал за последние триста лет».

— Обратный ритуал возможен, — сказал он наконец. — Но он сложный. И требует ресурсов. Которые Институт не может предоставить просто так.

Я прищурилась.

— Что значит «не может предоставить просто так»? Вы хотите, чтобы я заплатила? У меня с собой только карта Мир с кэшбеком и... — я порылась в кармане брюк, — ...жвачка. Мятная. Хотите?

Он посмотрел на жвачку так, будто я предложила емудохлую лягушку.

— Деньги вашего мира здесь бесполезны, — сказал он. — Ресурсы, о которых я говорю, — это магическая энергия, редкие ингредиенты и время. Время, которое я или мои преподаватели потратят на ритуал вместо занятий со студентами.

— И? — я чувствовала, что сейчас последует какое-то

«но». В колл-центре я научилась чуять подвох за километр.

— И, — продолжил он, и в его голосе появилось что-то новое. Какая-то... заинтересованность? — Вы можете отработать эти ресурсы. Здесь. В Институте. У нас как раз не хватает... персонала.

— Персонала? — я подозрительно прищурилась. — Кем? Уборщицей? Поваром? Я, между прочим, готовить умею только пельмени и омлет. И то омлет иногда подгорает.

— Нет, — он чуть качнул головой. — Вы будете адепткой. Студенткой. Будете посещать занятия, выполнять задания. А в свободное время — помогать мне с... административной работой.

— Административной?

— Бумаги. Отчеты. Переписка с Ковеном. То, что вы, как я понимаю, умеете делать хорошо.

Я задумалась. С одной стороны — я в чужом мире, в магическом институте, где еда живая, а студенты прозрачные. С другой — меня не убивают, не пытаются принести в жертву и даже предлагают работу. Ну, почти работу.

— А зарплата? — спросила я.

— Проживание, питание и обучение магии. Разве этого недостаточно?

— А отпуск? Больничный? Соцпакет?

Он снова издал этот короткий выдох-смех.

— Адептка Алиса, вы в Институте Смертельных Наук. Здесь единственный соцпакет — это возможность не быть

поднятым в качестве учебного пособия для некромантов.

Я на секунду задумалась. Потом кивнула.

— Ладно, Демьян. Договорились. Но у меня будут условия.

— Условия? — его бровь поползла вверх.

— Первое: вы перестанете хватать меня за шиворот. Я не мешок с картошкой. Второе: я хочу мантию. Вот как у всех студентов. Третье: я хочу знать, как долго мне придется здесь торчать, прежде чем вы отправите меня обратно. И четвертое...

Я сделала паузу. Он ждал.

— Четвертое: покажите мне, где тут наливают чай. Нормальный. Черный. С сахаром. А то я сейчас упаду в голодный обморок, и вы будете иметь дело с моим трупом. А судя по тому, что я видела в этом зале, трупы у вас тут — это вообще отдельная категория граждан.

Он смотрел на меня. Долго. Очень долго. А потом вдруг встал, обошел стол и... протянул мне руку.

— Идемте, адептка Алиса. Я покажу вам, где наливают чай. И заодно познакомлю с комендантшей общежития. Уверен, вы друг другу... понравитесь.

В его голосе звучало что-то такое, от чего мне захотелось проверить, не привязан ли к моей спине листок с надписью «пни меня». Но я вложила свою ладонь в его. Она оказалась теплой. Не ледяной, как я ожидала. Теплой и твердой.

— Идемте, Ваше Ледяное Великолепие, — сказала я, под-

нимаясь. — Только предупреждаю: если ваша комендантша окажется драконом в человеческом обличье, я не удивлюсь. После сегодняшнего дня меня вообще сложно чем-то удивить.

Он ничего не ответил. Но его пальцы чуть сжались вокруг моей ладони. И я могла поклясться, что увидела тень улыбки на его лице.

Настоящей. Не выдыха носом. А почти что человеческой. Впрочем, это могло быть просто игрой света от факелов. Лорд Ашерон вел меня по коридорам Института так уверенно, будто родился здесь. Что, кстати, не исключено. Я бы не удивилась, если бы оказалось, что он тут и родился, и вырос, и вообще — этот Институт построили вокруг его колыбели.

Мы шли молча. Я пыталась запомнить дорогу, но все коридоры выглядели одинаково: серый камень, факелы, мрачные картины на стенах. На картинах, кстати, были изображены какие-то суровые личности в мантиях. Один из портретов мне подмигнул. Я подмигнула в ответ. Портрет, кажется, смутился и отвернулся.

— Ваши картины живые? — спросила я, догоняя ректора.

— Некоторые, — бросил он. — Только те, на которых изображены бывшие ректоры. Они любят подглядывать за студентами. Особенно за первокурсницами.

— Прекрасно, — пробормотала я. — У вас тут что, ни одной нормальной вещи нет? Все либо живое, либо полужи-

вое, либо подглядывает?

— Привыкайте, адептка Алиса. Это Институт Смертельных Наук. Здесь даже стены имеют свое мнение.

Я покосилась на стену. Стена, кажется, обиделась и стала чуть более серой.

Наконец мы остановились перед массивной дубовой дверью с табличкой: «Комендант общежития. Входить только с разрешения. Стучать три раза. Не дышать. Молиться».

— Серьезно? — я ткнула пальцем в табличку. — «Молиться»?

— Госпожа Игнис не любит незваных гостей, — сказал лорд Ашерон, и в его голосе мне послышалось что-то похожее на... злорадство? — Она... специфическая личность.

— Специфическая насколько?

— Она дракон.

Я замерла с поднятой для стука рукой.

— Дракон? Настоящий? С крыльями, чешуей и огнем из пасти?

— В человеческом обличье. Но да — настоящий. Огнедышащий. С характером. Работает комендантом уже двести лет. Студенты ее боятся больше, чем меня.

— Это вообще возможно? — искренне удивилась я.

Лорд Ашерон посмотрел на меня долгим взглядом.

— Вы удивитесь, адептка Алиса. Очень удивитесь.

И прежде чем я успела что-то ответить, он постучал в дверь. Три раза. Четко. Ритмично. Как будто знал секретный

код.

Дверь распахнулась сама. Изнутри пахнуло жаром, как из печки. И голос — низкий, рокочущий, с металлическими нотками — произнес:

— Входите. И надеюсь, у вас веская причина меня беспокоить в обеденный перерыв.

Лорд Ашерон подтолкнул меня вперед. Я шагнула в кабинет и... замерла.

Это было не просто помещение. Это была пещера. В самом прямом смысле. Каменные стены, покрытые трещинами, из которых сочился слабый оранжевый свет. Пол — теплый, будто под ним текла лава. В углу — огромная куча золотых монет, кубков и каких-то блестящих побрякушек. А за массивным столом, вырезанным из цельного куска обсидиана, сидела женщина.

Высокая. Очень высокая. Метра два, не меньше. Широкие плечи, мощные руки, длинные рыжие волосы, собранные в тугой хвост. Глаза — янтарные, с вертикальными зрачками, как у рептилии. Кожа — с легким золотистым отливом, будто под ней тлели угли. Одета она была в строгий черный костюм, который на груди чуть не трещал по швам от переизбытка... достоинств.

Она посмотрела на меня. Я почувствовала, как температура в комнате поднялась на пару градусов.

— Это что? — спросила она, переводя взгляд на лорда Ашерона. — Обед? Я не ем человечину по средам.

— Это новая адептка, госпожа Игнис, — спокойно ответил ректор. — Ее нужно разместить в общежитии. Временно.

— Временно? — драконша прищурилась. — Насколько временно?

— На полгода. Может, дольше. Зависит от... обстоятельств.

Госпожа Игнис перевела взгляд на меня. Медленно. Очень медленно. Так, как смотрят на муху, которая залетела в суп. С безразличным интересом.

— Имя? — рявкнула она.

— Алиса, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Можно просто Алиса. Без «адептки». Я пока не адептка. Я... гостья.

— Гостья? — драконша фыркнула, и из ее ноздрей вырвались две тонкие струйки дыма. — У нас тут не гостиница. У нас Институт Смертельных Наук. Здесь либо учатся, либо умирают. Иногда одновременно.

— Я в курсе, — сказала я, скрещая руки на груди. — Но ректор сказал, что меня разместят. А ректора, я так понимаю, здесь слушаются. Или у вас тут анархия?

Лорд Ашерон за моей спиной издал странный звук. То ли кашель, то ли смех. Я не обернулась.

Госпожа Игнис медленно поднялась из-за стола. Она оказалась еще выше, чем я думала. Метра два с половиной, не меньше. Она возвышалась надо мной, как гора. Как вулкан.

Как... как очень большой дракон в человеческом обличье.

— Ты дерзкая, — произнесла она низким, рокочущим голосом. — Мне это не нравится.

— А мне не нравится, когда на меня смотрят как на обед, — ответила я, не отводя взгляда. — Но мы же как-то договариваемся, правда?

В комнате повисла тишина. Тяжелая. Густая. Как лава. Я слышала, как потрескивают угли где-то под полом. Как дышит госпожа Игнис — медленно, глубоко, с легким свистом, будто внутри нее работала кузнечная печь.

А потом она улыбнулась. И это была самая страшная улыбка, которую я видела в своей жизни. Зубы у нее были белые, ровные, но клыки — чуть длиннее, чем у обычного человека. И острые. Очень острые.

— Хорошо, — сказала она. — Я размещу тебя, дерзкая человечка. У меня как раз освободилась одна комната. Три-ста тринадцатая. Там жила одна адептка, но она... не справилась с учебой.

— Умерла? — уточнила я.

— Передумала учиться, — ответила драконша с ухмылкой. — После того, как ее соседка по комнате пыталась принести ее в жертву Темным Богам. Ничего серьезного. Девочка просто перевелась в другой Институт. В Светлый. К зану-дам.

Я сглотнула.

— А соседка? Та, что с жертвоприношением?

— Все еще здесь. Учится на третьем курсе. Очень перспективная некромантка. Правда, с небольшими... особенностями психики. Но это не мешает ей сдавать экзамены на отлично.

Я медленно повернулась к лорду Ашерону.

— Демьян, — сказала я тихо, но очень отчетливо. — Вы серьезно хотите поселить меня в комнату с потенциальной убийцей?

— Она не убийца, — спокойно ответил ректор. — Она просто... творческая личность. К тому же, после того случая с ней провели воспитательную беседу. И взяли обещание больше не пытаться приносить соседок в жертву без письменного согласия.

— Без письменного согласия?! — мой голос сорвался на фальцет. — То есть, если я подпишу бумагу, то все в порядке?!

— Не подписывайте, — пожал плечами лорд Ашерон. — И проблема решена.

Я открыла рот, чтобы возмутиться, но госпожа Игнис меня опередила.

— Слушай сюда, человечка, — прорычала она, наклоняясь ко мне так близко, что я почувствовала жар ее дыхания на своем лице. — Ты будешь жить в триста тринадцатой. Твоя соседка — Моргана Блэквуд. Да, та самая. И если ты думаешь, что я буду менять расселение из-за твоих капризов, то ты глубоко ошибаешься. Здесь тебе не гостиница с об-

служиванием в номерах. Здесь Институт Смертельных Наук. Выживают сильнейшие. Или хитрейшие. Или те, кто умеет договариваться с драконами.

Она сделала паузу. Ее янтарные глаза вспыхнули.

— Ты умеешь договариваться с драконами, человечка?

Я смотрела на нее. Она смотрела на меня. Воздух между нами накалялся. Буквально. Я чувствовала, как мои волосы начинают потрескивать от статического электричества.

— Я умею договариваться с кем угодно, — сказала я, не отводя взгляда. — Я пять лет работала в колл-центре. У меня были клиенты, которые угрожали мне физической расправой из-за просрочки по кредиту. Думаете, меня испугает дракон в человеческом обличье?

Госпожа Игнис замерла. Ее зрачки сузились до тонких щелочек.

— Ты... что?

— Я сказала: меня не испугать. Да, вы большая. Да, вы огнедышащая. Да, вы можете меня поджарить. Но знаете что? Я все равно буду стоять на своем. Потому что я — клиент. А клиент всегда прав. Даже если клиент — случайная попаданка из другого мира с чеком из суши-бара в кармане.

Драконша смотрела на меня. Долго. Очень долго. А потом... она засмеялась. Громко. Раскатисто. Ее смех эхом отразился от стен, и куча золота в углу зазвенела.

— А ты мне нравишься, человечка! — прорычала она, хлопнув меня по плечу так, что я чуть не упала. — Давно

меня никто так не веселил! Ладно, уговорила. Дам тебе другую комнату. Двести седьмую. Там живет привидение, которое храпит, и зеркало, которое критикует твой внешний вид. Но зато соседка — нормальная. Ну, относительно. Эльфийка. Тихая. Только цветы выращивает. Правда, некоторые из них плотоядные. Но она их держит в горшках и кормит по расписанию.

Я выдохнула.

— Спасибо, госпожа Игнис. Это уже звучит лучше.

— Не за что, — драконша ухмыльнулась. — И да, человечка... если ты еще раз назовешь меня «клиентом», я тебя поджарю. Поняла?

— Поняла, — кивнула я. — Но вы первая начали с «человечки».

Она снова засмеялась. А потом повернулась к лорду Ашерону.

— Мне нравится эта, — сказала она. — У нее есть яйца. Метафорические, разумеется. Но все равно — есть. Где вы ее нашли?

— Она сама нашлась, — ответил ректор, и в его голосе мне послышалось что-то похожее на... усталость? Или нежность? Я не поняла. — Дух доставки принес. Вместе с роллами.

— С роллами? — драконша прищурилась. — Что за роллы?

— С огурцом, — сказала я мрачно. — Я заказывала с уг-

рем.

Госпожа Игнис понимающе кивнула.

— Терпеть не могу, когда путают заказы. Ладно, человечка, идем. Покажу твою комнату. А ты, — она ткнула пальцем в ректора, — иди, готовь документы на зачисление. И не забудь вписать ее в реестр живых. А то у нас тут был случай — зачислили мертвого. Три недели не могли понять, почему он не является на пары. Оказалось, он просто не мог встать из могилы. Пришлось отчислять задним числом. Бюрократия, чтоб ее.

Лорд Ашерон кивнул и направился к двери. Но на пороге остановился и обернулся.

— Адептка Алиса, — сказал он. — Я оставлю вас с госпожой Игнис. Уверен, вы поладите. Документы будут готовы к вечеру. Завтра утром — первое занятие. Не опаздывайте. Профессор Мортем не любит опозданий. Он превращает опоздавших в жаб. Временных. Обычно.

— Обычно?! — крикнула я, но дверь за ним уже закрылась.

Я осталась наедине с драконшей.

— Не бойся, — сказала госпожа Игнис, и в ее голосе мне послышалось что-то почти... доброе. — Мортем превращает в жаб только тех, кто опаздывает без уважительной причины. А у тебя будет уважительная причина.

— Какая?

— Ты новенькая. А новеньким у нас полагается скидка на

первые три опоздания. Таковы правила Института. Негласные, но все их соблюдают. Даже Мортем.

Она подошла к куче золота, порылась в ней и достала... ключ. Обычный металлический ключ на кожаном шнурке.

— Держи. Двести седьмая. Восточное крыло. Третий этаж. Иди прямо по коридору, потом налево, потом по лестнице вверх, потом снова направо. Если заблудишься — спроси у портретов. Они любят поболтать. Только не верь всему, что они говорят. Особенно тому, что в синей рамке. Он — сплетник.

Я взяла ключ. Он был теплым. Как и все в этом месте.

— Спасибо, госпожа Игнис.

— Зови меня просто Игнис, — драконша улыбнулась. — И да, человечка... если тебе понадобится помощь — обращайся. Я не кусаюсь. Часто.

Я кивнула и вышла из кабинета. В коридоре было прохладно после жара драконьей пещеры. Я прислонилась к стене и выдохнула.

— Ну и денек, — пробормотала я. — Сначала курьер-демон, потом ледяной ректор, теперь драконша-комендант. Интересно, что будет дальше? Эльфийка с плотоядными цветами? Привидение, которое храпит? Зеркало, которое меня критикует?

Я посмотрела на ключ в своей руке.

— Ладно, Алиса. В колл-центре было хуже. Справишься. Ты всегда справлялась.

И я пошла искать свою комнату. Восточное крыло. Третий этаж. Двести седьмая.

Глава 2: Если твоя жизнь — абсурд, то дракон просто подтвердит диагноз

Знаете, что самое интересное в сумасшествии? Ты никогда не знаешь, что ты сошел с ума. Тебе кажется, что все вокруг реально. Драконы? Ну да, бывают. Ректор с серебряными глазами, который хватает тебя за шиворот? Вполне нормально. Еда, которая на тебя смотрит? Почему бы и нет.

Вот и я шла по коридору Института Смертельных Наук, сжимая в руке теплый ключ, и думала: «Алиса, детка, ты просто лежишь в палате с мягкими стенами, и тебе колют успокоительные. Это все — галлюцинация. Побочный эффект. Сейчас ты дойдешь до комнаты, ляжешь на кровать, закроешь глаза, а потом проснешься в больнице. И санитар Петрович скажет: «Ну что, Алиса, полегчало?» И ты кивнешь. И попросишь добавки таблеток.

Эта мысль меня успокаивала. Seriously. Когда ты думаешь, что все вокруг — плод твоего больного воображения, жить становится гораздо проще. Драконша-комендант? Прикольная галлюцинация. Портреты, которые сплетничают? Мозг развлекается. Лорд Ашерон с его ледяным взглядом и теплыми руками? Ну... допустим, эту часть галлюцинации я бы попросила оставить. Для эстетики.

— Налево, потом по лестнице вверх, потом направо, — бормотала я себе под нос, следуя указаниям Игнис. — Восточное крыло. Третий этаж. Двести седьмая.

Я свернула налево. Потом поднялась по лестнице. Потом направо. И оказалась в тупике.

— Прекрасно, — вздохнула я. — Даже в моих галлюцинациях я не могу найти дорогу. Это уже клиника.

Рядом на стене висел портрет. В синей рамке. На нем был изображен мужчина средних лет с усами и хитрым прищуром. Он смотрел на меня с явным интересом.

— Заблудилась, красавица? — спросил он. Голос у него был скрипучий, как старая дверь.

— Есть немного, — призналась я. — Игнис сказала, что вы можете помочь. Только предупредила, что вы сплетник.

Портрет расплылся в довольной улыбке.

— Игнис — мудрая женщина. Да, я сплетник. Но я еще и отличный навигатор. Тебе куда, милочка?

— Двести седьмая комната. Восточное крыло.

— О! — портрет оживился. — К Лилиандре! К эльфийке! Чудесная девочка. Тихая, вежливая, цветочки выращивает. Правда, один из ее цветочков на прошлой неделе съел чью-то летучую мышь. Но это мелочи. Главное — не суй пальцы в горшки. И не наклоняйся слишком близко. И не дыши на них после обеда — они возбуждаются.

Я запомнила. Не совать пальцы. Не наклоняться. Не дышать после обеда. Обычные правила общежития. В психуш-

ке, наверное, такие же.

— Так как мне пройти?

— Вернись к лестнице, спустись на один пролет, потом иди прямо до статуи горгульи, потом поверни налево дважды, потом направо, потом через потайную дверь за гобеленом с драконом...

— Стоп, — перебила я. — Потайная дверь? Seriously?

— А ты думала, в магическом институте все будет просто? — портрет хохотнул. — Ладно, ладно, шучу. Потайная дверь — для сотрудников. Тебе проще: вернись к лестнице, поднимись на два пролета вверх, а не на один, потом сразу налево, и третья дверь справа. Увидишь табличку с черепом. Это не твоя комната. Твоя — следующая. Без таблички. Просто дверь.

— Спасибо, — сказала я, разворачиваясь.

— Эй, красавица! — окликнул портрет. — Хочешь сплетню? Бесплатно. В качестве приветственного бонуса.

— Валяй.

— Лорд Ашерон не был в отношениях двести лет. Двести! Представляешь? Говорят, он ждет какую-то особенную женщину. Или мужчину. Или дракона. Никто точно не знает. Но все гадают. А еще говорят, что он тайно коллекционирует засушенные цветы. Но это неточно.

Я усмехнулась.

— Спасибо, синяя рамка. Буду знать.

— Обращайся! И заходи поболтать! Я тут всегда! В смыс-

ле — меня не снимают со стены уже много лет!

Я помахала портрету рукой и пошла искать комнату. На этот раз — успешно. Через пять минут я стояла перед дверью без таблички. Просто дверь. Обычная. Деревянная. С ручкой.

Я постучала.

— Войдите! — раздался мелодичный голос изнутри.

Я открыла дверь и шагнула внутрь.

Комната оказалась... уютной. Неожиданно уютной для этой убивательной школы. Две кровати у противоположных стен. Два шкафа. Два письменных стола. Большое окно, за которым сгущались сумерки (или это всегда так, я пока не поняла). На подоконнике — горшки с цветами. Много горшков. Цветы были разные: синие, красные, фиолетовые. Некоторые светились. Некоторые шевелились. Один цветок, похожий на лилию, но с зубами, повернулся в мою сторону и... облизнулся? У него был язык. Маленький, розовый. Он облизнулся и снова отвернулся к окну.

«Галлюцинация, — напомнила я себе. — Просто галлюцинация. В психушке тоже, наверное, всякое мерещится».

На одной из кроватей сидела девушка. И она была... красивой. Очень красивой. Даже для галлюцинации. Длинные светлые волосы, почти белые, спадали на плечи мягкими волнами. Глаза — огромные, зеленые, с чуть заостренными зрачками. Уши — слегка заостренные кверху. Эльфийка. Настоящая. В моей галлюцинации.

— Привет, — сказала я, закрывая за собой дверь. — Я Алиса. Твоя новая соседка. Надеюсь, ты не пытаешься приносить людей в жертву Темным Богам? А то мне предыдущий вариант с Морганой Блэквуд не понравился.

Эльфийка моргнула. Потом улыбнулась. Улыбка у нее была добрая, совсем не похожая на улыбку потенциальной убийцы.

— О, ты слышала про Моргану? — спросила она мелодичным голосом. — Бедная девочка. У нее просто тяжелое детство. Родители — темные маги, требовали, чтобы она пошла по их стопам. А она хотела быть флористом. Представляешь? Флористом! Но родители настояли на некромантии. Вот она и... срысывается иногда. Но вообще она хорошая. Просто с особенностями.

Я прошла к свободной кровати и села на край. Кровать была мягкой. Очень мягкой. Как облако. В психушках такие не ставят. Но, может, мне просто дали люксовую палату? За особые заслуги?

— Ты ее защищаешь? — уточнила я. — Девушку, которая пыталась принести соседку в жертву?

— Она не пыталась, — эльфийка вздохнула. — Это был учебный ритуал. Для зачета. Просто она перепутала ингредиенты. Вместо соли для защитного круга взяла порошок из костей девственницы. Ну и круг получился... немного другим. Жертвенным. Но она сразу извинилась! И предложила компенсацию — набор редких зелий. Соседка отказалась и

перевелась. А зря. Зелья были очень хорошие.

Я смотрела на эльфийку и понимала: это лучшая галлюцинация в моей жизни. Обычно мне снилась работа. Звонки. Клиенты. Начальник. А тут — магический институт, драконы, эльфийки и цветы с зубами. Мой мозг явно решил устроить мне отпуск.

— Меня зовут Лилиандра, — сказала эльфийка, вставая и подходя ко мне. — Можно просто Лили. Я на первом курсе. Специализация — магическая ботаника. Выращиваю редкие растения. Некоторые из них... особенные. Но ты не бойся. Я их контролирую. Обычно.

Она протянула мне руку. Я пожала ее. Рука была теплой, тонкой, с длинными изящными пальцами.

— Алиса, — повторила я. — Я из другого мира. Попала сюда из-за роллов с огурцом. Долгая история. Если хочешь — расскажу.

— О, расскажи! — глаза Лили загорелись. — Я обожаю истории попаданцев! У нас тут такое редко бывает. Последний раз попаданец был лет пятьдесят назад. Какой-то рыцарь из средневекового мира. Он пытался всех спасти, размахивал мечом, кричал про честь и доблесть. Его съел дракон. Не Игнис, а другой дикий. С гор. В общем, рыцарь был вкусный. Дракон потом благодарил.

Я моргнула.

— Меня не съедят, — сказала я уверенно. — Я невкусная. И вредная. И у меня аллергия на драконью слюну. Наверное.

Лили рассмеялась. Смех у нее был как колокольчик — звонкий, мелодичный, очень приятный.

— Ты забавная, Алиса. Думаю, мы подружимся.

В этот момент в дверь постучали. Лили крикнула: «Войдите!» — и дверь открылась. На пороге стояло... нечто.

Это был скелет. Самый настоящий. Ходячий. В руках он держал стопку вещей: мантию, постельное белье, полотенце и что-то еще. Глазницы скелета светились тусклым синим светом.

— Доставка для новой адепки, — произнес скелет скрипучим голосом. — Мантия, форма, постельное, полотенце, тапочки, два комплекта одежды и брошюра «Как выжить в Институте Смертельных Наук. Советы бывалых». Распишитесь вот здесь.

Он протянул мне костлявую руку с пергаментом и пером. Перо было обычным. Гусиным. Я взяла его и поставила закорючку в графе «Получатель».

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что, — ответил скелет. — Если что-то понадобится — обращайтесь в хозяйственный отдел. Мы работаем круглосуточно. Без выходных. Без праздников. Без перерыва на обед. Потому что мы мертвые. Нам не нужен обед.

Он развернулся и ушел, стуча костями по каменному полу. Я закрыла дверь и посмотрела на Лили.

— У вас тут скелеты работают курьерами?

— А что такого? — Лили пожалала плечами. — Некроман-

ты их поднимают, а они потом отработывают свое воскрешение. Выгодно всем. Скелеты получают возможность двигаться и разговаривать, а Институт — бесплатную рабочую силу. Правда, они иногда жалуются на условия труда. Но кто их слушает? Они же мертвые.

Я сидела на кровати и разбирала вещи, которые принес скелет-курьер. Мантия — отличная. Мягкая, черная, с серебряной вышивкой по краям. Мой размер. Пахнет травами, а не нафталином, что уже радовало. Постельное белье — белое, хрустящее, будто только из-под утюга. Полотенце — пушистое. Тапочки — удобные. Одежда — как одежда. И брошюра: «Как выжить в Институте Смертельных Наук. Советы бывалых. Издание пятое, дополненное и переработанное. Одобрено Верховным Ковеном Магов».

Я хмыкнула, пролистывая страницы. Верховный Ковен. Звучит как организация, в которую я бы позвонила с жалобой на качество обслуживания. Надо будет узнать их контактный номер.

— Лили, — позвала я, не отрываясь от брошюры. — А этот ваш Верховный Ковен — они вообще чем занимаются?

Лилиандра, которая в этот момент поливала свои цветы из маленькой леечки (один из цветов попытался укусить струю воды, но промахнулся), обернулась.

— Верховный Ковен? — переспросила она. — Ну, это высший орган управления всеми магами континента. Они издают законы, следят за соблюдением магического баланса,

выдают лицензии на темные ритуалы, распределяют бюджет между институтами. Ну и карают нарушителей. У них есть специальный отдел — Инквизиция Ковена. Если ты нарушишь серьезный закон, за тобой придут. В черных плащах. С артефактами. И будет очень больно.

— Понятно, — кивнула я. — Типа нашей налоговой. Только с магией и плащами.

Лили моргнула.

— У вас в мире есть своя Инквизиция?

— Налоговая, — поправила я. — И поверь, они страшнее. Им не нужны артефакты. Им достаточно прислать письмо с требованием доплатить три рубля семнадцать копеек. И ты уже готов сам сдаться в любую инквизицию, лишь бы они отстали.

Эльфийка посмотрела на меня с уважением.

— Твой мир звучит... сурово.

— Есть немного, — согласилась я, переворачивая страницу. — Но я привыкла. Ладно, рассказывай дальше. Есть байки про Институт?

Лили отставила лейку, села на свою кровать, поджала ноги и начала рассказывать. А я слушала, раскладывая вещи в шкаф. И думала о том, что, если это галлюцинация, то она очень продуманная. Даже Верховный Ковен есть. Мой мозг явно не сэкономил на деталях.

— Во-первых, — начала Лили, — в подвале живет Нечто. Никто не знает, что это. Даже лорд Ашерон. Даже Верхов-

ный Ковен, когда приезжал с проверкой, не смог разобраться. Они спустились в подвал втроем. Вернулись вдвоем. Третий вышел через неделю. Седой. И отказался говорить, что видел. Уволился из Ковена и уехал выращивать капусту в глухую деревню.

— Капусту? — уточнила я.

— Капусту. Говорят, у него отличная капуста. Магическую энергию не использует, только навоз и любовь. Я заказывала у него рассаду для своих цветов. Хороший мужик. Молчаливый.

Я покачала головой и повесила мантию в шкаф. Та послушно повисла на плечиках, даже не пытаясь уползти. Уже плюс.

— Во-вторых, библиотека. Она живая. Книги разговаривают, спорят, иногда дерутся. Библиотекарь — древний вампир по имени Алдрик. Он работает там уже не одну сотню лет. Говорят, он помнит еще первых студентов Института. И он единственный, кого боятся даже книги. Когда Алдрик входит в зал, все тома замолкают и притворяются обычными. Потому что он может их... утилизировать. Сжигать. На медленном огне. Книги это знают и ведут себя прилично.

— Вампир-библиотекарь, — я усмехнулась. — Конечно. А он пьет кровь?

— Только донорскую. У него договор с местной больницей. И еще он любит томатный сок. Говорит, что цвет напоминает о былом.

Я сложила полотенце на полку и взялась за тапочки.

— В-третьих, — продолжала Лили, — у нас есть привидения. Много привидений. В нашей комнате тоже одно живет. Оно храпит. Не бойся — это старый библиотекарь, который умер от сердечного приступа, когда узнал, что студенты жгут книги для растопки. Теперь он следит за сохранностью литературы. А по ночам приходит сюда, потому что здесь тихо. И храпит.

— Храпящее привидение, — я кивнула. — Уже слышала. Что еще?

— Зеркало, — Лили указала на овальное зеркало над умывальником. — Оно разговаривает. И критикует всех. Даже лорда Ашерона, когда он заходил. Представляешь? Сказало ему: «У вас лицо как у надгробной плиты — холодное и безэмоциональное». Ректор ничего не ответил, просто посмотрел на зеркало. И оно замолчало на неделю. До сих пор не знаю, что он с ним сделал. Но с тех пор зеркало стало чуть вежливее.

Я подошла к зеркалу. Посмотрела на свое отражение. Взъерошенная, уставшая, но с хитрой улыбкой.

— Привет, — сказала я.

— О нет, — простонало зеркало. — Только не ты. Я слышало, как ты разговаривала с Игнис. И с ректором. Ты — катастрофа. Ты — ходячее бедствие. Ты...

— Я жду комплимент, — перебила я, скрестив руки на груди. — Или ты снова хочешь помолчать? Я могу попросить

ректора зайти. Он, кажется, умеет с тобой договариваться.

Зеркало замолчало. Потом вздохнуло — да, зеркало может вздыхать, я проверила — и нехотя произнесло:

— У тебя... красивые глаза. И волосы. Когда расчешешь. И вообще... ты не так плохо выглядишь для человека, который сегодня пережил похищение, дракона и ректора.

— Вот так-то лучше, — я улыбнулась и отошла.

Лили смотрела на меня с восторгом.

— Ты его приручила! Зеркало! Которое даже ректора критикует!

— Я просто умею договариваться, — пожала я плечами.

— Пять лет в колл-центре. После этого даже говорящее зеркало — легкая мишень.

Я вернулась к кровати и легла, натянув одеяло до подбородка. Привидение в углу засопело громче. Кажется, оно уже уснуло.

— Лили, — позвала я шепотом.

— М?

— А расскажи про ректора. Какой он? Ну, помимо того, что «холодный и безэмоциональный».

В темноте я услышала, как эльфийка тихо засмеялась.

— Лорд Ашерон? О, это легенда. Говорят, он возглавил Институт двести лет назад. До него тут был хаос. Студенты творили что хотели, преподаватели пили, Игнис ела первокурсников. А он пришел и навел порядок. Жестко. Говорят, в первый же день уволил половину преподавателей. А

тех, кто сопротивлялся, заморозил. В прямом смысле. Они до сих пор стоят где-то в подвале, как ледяные статуи. Студентов это очень впечатлило.

— Он настолько сильный?

— Очень. Один из сильнейших магов континента. Член Верховного Ковена. Но он редко посещает заседания. Говорит, что у него нет времени на «политические игры стариков в мантиях». Ковен его недолюбливает, но терпит. Потому что он сильный. И потому что Институт Смертельных Наук — один из лучших. Благодаря ему.

Я задумалась. Ректор, который заморозил несогласных преподавателей. Член Верховного Ковена. Сильнейший маг. И при этом у него уставшие глаза и, кажется, проблемы со сном. Интересный персонаж. Для галлюцинации — очень проработанный.

— А еще говорят, — продолжила Лили, понизив голос до шепота, — что он ждал кого-то. Двести лет. Какую-то особенную женщину. Или мужчину. Или кого-то еще. Никто точно не знает. Но ходят слухи, что есть пророчество. О том, что однажды в Институт попадет человек не из нашего мира. И этот человек изменит все. И ректора. И Институт. И, возможно, весь Ковен.

Я медленно села на кровати.

— Погоди. Пророчество? О попаданце? Который изменит все?

— Ну да, — Лили, кажется, не понимала, почему я на-

приглась. — Старое пророчество. Ему лет триста. Никто из него особо не верит. Но некоторые... некоторые ждут.

Я зевнула и начала устраиваться в кровати. Моя блузка, конечно, хороша для учёбы, но спать в ней — то ещё удовольствие. Я уже мысленно попрощалась с комфортом, как вдруг Лили спохватилась:

— Ой, Алиса! Я же совсем забыла!

Она подскочила к своему сундуку и начала в нём рыться. Через минуту на свет появился аккуратно сложенный свёрток.

— Держи, — Лили протянула его мне. — Это тебе. Подарок на новоселье.

Я развернула ткань. Внутри оказалась пижама. Мягкая, светло-голубая, с вышитыми серебряной нитью маленькими звёздами. Ткань была нежной на ощупь, почти невесомой.

— Лили, это... — я растерялась.

— У меня их две, — быстро сказала она, будто оправдываясь. — Эльфийская ткань, очень мягкая. В моём клане принято дарить что-то для сна новым соседям. Ну, или друзьям. Или просто тем, с кем ты делишь комнату. В общем, это традиция. Бери.

Я провела пальцами по звёздам. Они слабо светились в полумраке — видимо, нить была пропитана какой-то магической смесью.

— Спасибо, Лили, — сказала я искренне. — Это очень... очень неожиданно. И очень приятно.

— Ты устала, — она улыбнулась. — А в хорошей пижаме спится лучше. Даже в Институте Смертельных Наук. Даже с храпящим привидением в углу.

Эдгар, который как раз начал устраиваться на ночлег, издал обиженный стон.

— Я не храплю, — донеслось из темноты. — Это у тебя, Лилиандра, цветы по ночам шумят.

— Огурчик не шумит! — возмутилась Лили.

Огурчик в горшке тихо рыгнул.

— Вот видишь! — хором сказали мы с Эдгаром.

И расхохотались.

Я переоделась, забралась под одеяло и почувствовала, как мягкая ткань обнимает меня, словно облако. Звёзды на пижаме тихо мерцали в такт моему дыханию.

— С новосельем, Алиса, — прошептала Лили.

— С новосельем, — ответила я.

Я легла и уставилась в потолок. В моей галлюцинации было пророчество. Обо мне. Конечно. Почему бы и нет. Мозг явно перестарался с сюжетом.

«Ладно, — подумала я, закрывая глаза. — Если это психушка, то завтра я проснусь в палате. А если нет... если это все реально... то у меня, кажется, проблемы. Большие проблемы. Потому что я не героиня пророчества. Я просто менеджер колл-центра, которая хотела роллы с угрем. И я не собираюсь ничего менять. Я собираюсь найти способ вернуться домой. К Бутерброду. К фикусу. К отчетам и токсич-

НЫМ клиентам».

Привидение в углу захрапело громче. Зеркало что-то бормотало. Цветы на подоконнике шевелили листьями. А где-то в коридоре раздавались шаги — кажется, скелеты-курьеры разносили поздние заказы..

Я почти сразу провалилась в сон. Глубокий, вязкий, как патока. Сознание медленно уплывало куда-то в темноту, убаюканное храпом привидения и шелестом плотоядных цветов на подоконнике.

А потом мне приснился дракон.

Не Игнис. Другой. Огромный. Черный. С чешуей, которая переливалась всеми оттенками обсидиана и кровавого рубина. Он сидел на горе золота — настоящей горе, высотой с пятиэтажный дом — и смотрел на меня. Его глаза были как два озера расплавленной лавы. Желтые. С вертикальными зрачками. Очень, очень голодные.

— Человечка, — прорычал он, и от его голоса задрожала земля. — Ты вкусно пахнешь.

Я стояла посреди огромной пещеры, босая, в той самой мантии, которую мне выдали в Институте. Вокруг было темно, только золото под драконом светилось тусклым, зловещим светом. Где-то капала вода. Где-то шуршали крысы. Или не крысы. В пещерах с драконами лучше не уточнять, кто там шуршит.

— Я невкусная, — сказала я, пятясь. — У меня аллергия на драконью слюну. И вообще, я сегодня не ела. А на голод-

ный желудок меня есть вредно. Для пищеварения.

Дракон склонил голову набок. Огромную, размером с легковой автомобиль. Из его ноздрей вырвались струйки дыма.

— Ты забавная, человечка. Забавную есть интереснее. Она дольше дергается.

— Я не буду дергаться, — пообещала я, продолжая отступать. — Я буду лежать тихо и смирно. Как бревно. Невкусное бревно. С холестерином.

Дракон оскалился. У него было много зубов. Очень много. И все — острые, как пики.

— Холестерин мне не страшен. Я дракон. У меня магический метаболизм.

Он поднялся. Гора золота под ним зазвенела, монеты посыпались вниз серебристо-золотым водопадом. Дракон сделал шаг ко мне. Один. Всего один. Но этого хватило, чтобы расстояние между нами сократилось вдвое.

Я развернулась и побежала.

Бежать босиком по каменному полу пещеры — то еще удовольствие. Особенно когда за тобой гонится дракон размером с товарный поезд. Я слышала его дыхание за спиной — горячее, влажное, пахнущее серой и чем-то сладковатым, как переспелые фрукты. Я слышала, как его когти скребли по камню, высекая искры. Я слышала, как он смеялся — низко, раскатисто, наслаждаясь охотой.

— Беги, человечка, беги! — рычал он. — Мне нравится, когда еда сопротивляется!

— Я тебе не еда! — крикнула я через плечо. — Я клиент! Я буду жаловаться! В твой... в твой драконий отдел по защите прав потребителей!

Дракон захохотал так, что с потолка посыпались камни. Один из них чуть не попал мне в голову. Я увернулась и побежала быстрее.

Но пещера заканчивалась. Я видела впереди стену. Глухую. Каменную. Без единой трещины или прохода. Тупик.

Я остановилась, тяжело дыша. Развернулась. Дракон приближался медленно, растягивая удовольствие. Его желтые глаза светились в темноте, как два прожектора.

— Попалась, — мурлыкнул он. — Вкусная, забавная человечка.

Он наклонил голову. Открыл пасть. Я видела его язык — длинный, раздвоенный, как у змеи. Видела зубы — ряды и ряды острых клыков. Видела глотку — темную, глубокую, как колодец.

И в этот момент между мной и драконом возникла фигура.

Черный мундир. Серебряное шитье. Широкие плечи. Идеально уложенные черные волосы, которые даже в пещере с драконом выглядели так, будто их только что уложил личный стилист.

Лорд Дамиан Рейнхарт фон Ашерон.

Ректор Института Смертельных Наук. Мой ледяной кра-

савец. Мой... Демьян.

— Отойди от нее, — произнес он тихо. Очень тихо. Но его голос прозвучал громче драконьего рыка. Он эхом отразился от стен, заставив золото задрожать, а дракона — замереть.

Дракон уставился на него. Желтые глаза сузились.

— Ашерон, — прорычал он. — Это моя добыча. Я нашел ее первым.

— Это моя адептка, — ответил ректор ледяным тоном. — И ты ее не получишь.

Он стоял между мной и драконом. Невысокий по сравнению с чудовищем. Но почему-то именно дракон выглядел испуганным. Он отступил на шаг. Потом еще на один.

— Ты не посмеешь, Ашерон. Ты знаешь, кто я. Я — Ксартакс, Пожиратель Миров, Повелитель...

— Ты — мелкий дракон с гор, который ворует скот у фермеров, — перебил его ректор. — И если ты сейчас же не исчезнешь, я заморожу тебя и поставлю в холле Института как вешалку для студенческих мантий.

Дракон зашипел. Из его ноздрей вырвались струи пламени — но ректор даже не моргнул. Просто поднял руку. И дракон вдруг начал уменьшаться. Сжиматься. Съезживаться, как воздушный шарик, из которого выпускают воздух.

Через несколько секунд перед нами сидела маленькая ящерица размером с ладонь. Черная, с красными глазками. Она пискнула и убежала в щель между камнями.

Я выдохнула. Ноги подкосились. Я начала оседать на пол,

но ректор подхватил меня. Его руки были теплыми. Очень теплыми. Не ледяными, как его голос. И пахло от него чем-то приятным — морозной свежестью, травами и еще чем-то, чему я не знала названия.

— Адептка Алиса, — произнес он, глядя на меня сверху вниз. — Вы опять влипли в неприятности.

— Это не я, — пробормотала я, хватаясь за его мундир. — Это дракон. Он сам пришел. Я его не звала. Я вообще спать легла. В своей комнате. С храпящим привидением и цветами-убийцами.

Он чуть улыбнулся. Той самой улыбкой — уголком губ, едва заметной. Но я заметила.

— Это был сон, адептка. Всего лишь сон. Ксартакс — древний дракон, который иногда проникает в сны студентов. Питается их страхами. Но вы... вы его не боялись. Вы с ним торговались. И угрожали жалобой. Поэтому он решил вас съесть. Вы его разозлили.

— Я всех злю, — вздохнула я. — Это мой дар.

Он смотрел на меня. Долго. Очень долго. Его глаза были так близко, что я видела в них свое отражение. Взъерошенная, бледная, с безумным взглядом. Но почему-то в его глазах я выглядела... красивой.

— Вы странная, адептка Алиса, — произнес он тихо. — Очень странная.

— Вы тоже, — ответила я. — Вы спасаете меня уже второй раз за день. Сначала от Игнис. Теперь от дракона во сне.

Это входит в ваши должностные обязанности? Или я особенная?

Он не ответил. Просто продолжал смотреть. А потом наклонился. Медленно. Очень медленно. Его лицо приблизилось к моему. Я чувствовала его дыхание на своих губах — прохладное, свежее, как ветер с гор. Его глаза были так близко, что я тонула в них. В этой серебряной бездне.

Он хотел меня поцеловать.

Я была уверена. Абсолютно уверена. Его губы были в сантиметре от моих. Я чувствовала тепло его кожи. Запах трав и мороза. Стук его сердца — или это мое колотилось так громко?

— Адептка... — прошептал он.

И я проснулась.

Резко. Как от толчка. Села на кровати, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле. Щеки горели. Губы покалывало, будто их коснулся мороз.

В комнате было темно. Привидение в углу храпело. Зеркало что-то бормотало во сне (да, зеркала тоже спят, я узнала это только что). Цветы на подоконнике тихо шевелили листьями. Лили мирно спала на своей кровати, свернувшись калачиком.

Я сидела, прижав руку к губам, и пыталась понять: это был сон? Просто сон? Или...

Или лорд Ашерон действительно приходил в мой сон?

Спасал меня от дракона? И почти поцеловал?

Я потрясла головой. Нет. Глупости. Это просто сон. Галлюцинация внутри галлюцинации. Мозг развлекается. Выдаст желаемое за действительное.

Но почему тогда мои губы все еще чувствовали холод? Почему в комнате пахло морозной свежестью и травами? И почему, когда я посмотрела на свою тумбочку, я увидела маленькую черную чешуйку, которая лежала там, поблескивая в лунном свете?

Чешуйка была нагретой. И пахла серой.

Я сжала ее в кулаке и легла обратно. Уставилась в потолок.

«Если это психушка, — подумала я, — то у нее отличные спецэффекты. А если нет... если это все реально... то у меня проблемы. Большие проблемы. Потому что ректор Института Смертельных Наук, член Верховного Ковена, сильнейший маг континента, кажется, только что почти поцеловал меня во сне. И я не знаю, что с этим делать».

Я закрыла глаза. Привидение продолжало храпеть. Зеркало что-то пробормотало про «неприличное поведение во сне». Цветы зашелестели громче — кажется, обсуждали увиденное.

А я лежала и думала о серебряных глазах. О теплых руках. О губах, которые были так близко.

И о том, что завтра утром мне предстоит встретиться с ректором. И я понятия не имею, как буду смотреть ему в глаза после ЭТОГО сна.

«Ладно, Алиса, — сказала я себе. — Ты справишься. Ты всегда справлялась. Даже с драконами. Даже с ректорами. Даже с почти-поцелуями во сне. Просто делай вид, что ничего не было. И надо сварить свое зелье. Успокоительное. Если не получится успокоительное, то напоим им кого-нибудь другого».

Я усмехнулась в темноте и наконец уснула. На этот раз — без снов. Или почти без снов. Только светлые глаза смотрели на меня из темноты. И теплые руки держали за плечи. И голос — ледяной, но с оттенком чего-то почти нежного — шептал: «Вы странная, адептка Алиса. Очень странная».

И я улыбалась во сне. Потому что я странная. Но, кажется, ему это нравится.

Глава 3: Если ты сварила поющее зелье и узнала, что ректор ждал тебя двести лет — не волнуйся, это просто понедельник

Я спала. Крепко. Глубоко. Без снов о драконах и ректорах. Просто темнота, такая уютная, как одеяло, под которым прячешься в детстве, когда за окном гроза, а в комнате горит ночник.

А потом что-то постучало по моему лбу.

Тук.

Я поморщилась, но не проснулась.

Тук-тук.

Я перевернулась на другой бок, натягивая одеяло до самого носа. Привидение в углу всхрипнуло особенно громко, будто возмущаясь, что кто-то смеет шуметь в его законное время отдыха.

Тук-тук-тук.

— Уйди, — пробормотала я в подушку. — Я сплю. У меня выходной. Или вечный отпуск. Или психушка. Везде можно поспать подольше.

— Адептка Алиса, — раздался скрипучий голос прямо над ухом. — Пробуждение. Занятия начинаются через час.

Регламент Института Смертельных Наук, пункт четыре-семнадцать: все адепты должны быть разбужены не позднее, чем за час до начала первой пары. Я выполняю регламент.

Я приоткрыла один глаз.

Надо мной стоял скелет. Тот самый, вчерашний курьер. В одной костлявой руке он держал какую-то длинную кость (надеюсь, не свою), которой, видимо, и стучал меня по лбу. В другой руке... В другой руке он держал пакет. Мой пакет. Из суши-бара. С логотипом в виде улыбающегося дракончика с палочками для еды.

Я открыла второй глаз и резко села.

— Это что? — спросила я хриплым со сна голосом, тыкая пальцем в пакет.

— Ваше имущество, — скелет протянул мне пакет. — Было обнаружено в зале собраний вчера вечером. Прележало там всю ночь. Огурец завял. Рис засох. Рыбы нет, потому что вы заказывали с огурцом, но если бы рыба была, она бы протухла. Приятного аппетита.

Я взяла пакет. Он был холодным. И каким-то... грустным. Как будто роллы внутри смирились со своей судьбой и теперь просто ждали, когда их выбросят.

Я заглянула внутрь. Восемь сиротливых кусочков роллов лежали в пластиковом контейнере. Огурец действительно завял — стал каким-то сероватым и сморщенным, как лицо очень старого огородника. Рис потрескался. Имбирь и васаби в отдельных отсеках выглядели так, будто их забыли на

поле боя.

— Я не буду это есть, — сказала я, закрывая пакет.

— И правильно, — согласился скелет. — Я бы тоже не стал. Но у меня нет желудка. Так что мне легко говорить.

Я посмотрела на него. Он смотрел на меня пустыми глазами, в которых горел тусклый синий огонек. Утренний свет из окна падал на его кости, и они блестели, как хорошо отполированная мебель.

— Ты меня разбудил, — сказала я. — Стучал по лбу. Костяшкой.

— Костяшкой пальца, — уточнил скелет. — Своего. Не чужого. Я не ворую кости. Это противоречит кодексу скелетов-курьеров.

— У вас есть кодекс?

— Разумеется. Пункт первый: не воровать чужие кости. Пункт второй: доставлять посылки вовремя. Пункт третий: не пугать адептов слишком сильно. Только в меру. Для дисциплины.

Я потеряла лоб. Шишки вроде не было, но ощущение, что по мне постукали скелетской фалангой, осталось надолго.

— А почему ты не мог разбудить меня... ну, не знаю, голосом? Сказать: «Адептка Алиса, просыпайтесь»?

Скелет задумался. Синий огонек в его глазах мигнул.

— Регламент не уточняет способ пробуждения, — признал он. — Только факт пробуждения. Я выбрал самый эффективный. В прошлом семестре я будил одного адепта ще-

коткой. Он потом жаловался в Верховный Ковен. Сказал, что это унизительно — быть разбуженным скелетом, который щекочет тебе пятки. Ковен принял жалобу. Мне вынесли предупреждение. С тех пор я стучу по лбу. Это нейтрально.

Я не нашлась, что ответить. Просто сидела на кровати, держала в руках пакет с мертвыми роллами и смотрела на скелета, который обсуждал со мной этику пробуждения студентов.

Лили на соседней кровати зашевелилась. Приоткрыла один глаз, увидела скелета, зевнула и сказала:

— Доброе утро, Джонатан. Опять стучал по лбу?

— Доброе утро, адептка Лилиандра, — отозвался скелет.

— Да. Это наиболее эффективный метод.

— У тебя есть имя? — я уставилась на скелета. — Джонатан?

— Сокращенно Джон, — ответил он. — При жизни меня звали Джонатан Марбл. Я был бухгалтером. Умер от переутомления. Потом меня подняли некроманты Института. Теперь я курьер. Мне нравится. Меньше стресса. И не нужно платить налоги.

Я моргнула.

— Ты был бухгалтером?

— Лучшим в своем городе. Я мог свести дебет с кредитом с закрытыми глазами. И без калькулятора. Сейчас, конечно, глаза закрыты всегда. Но суть та же.

Я смотрела на скелета-бухгалтера-курьера по имени Джонатан и чувствовала, как мой мозг пытается вместить эту информацию. Бухгалтер. Умер от переутомления. Стал скелетом. Работает курьером. И будит меня стуком по лбу.

— Джонатан, — сказала я медленно. — А ты можешь... помочь мне с документами Института? Отчетами? Сметами? Я слышала, у них тут бардак с финансами.

Синий огонек в его глазницах вспыхнул ярче. Кажется, я задела его за живое. Ну, за то, что у скелетов вместо живого.

— Адептка Алиса, — произнес он с неожиданным энтузиазмом. — Я был бы счастлив. Последние двести лет я только разносил посылки и будил студентов. Мой бухгалтерский талант пропадает зря. Если вам понадобится помощь с цифрами — я к вашим услугам. У меня все еще есть калькулятор. В грудной клетке. На всякий случай.

Он постучал себя по ребрам. Внутри что-то звякнуло.

— Договорились, — я улыбнулась. — Будем наводить порядок в этом Институте. Вместе.

— Почту за честь, — скелет слегка поклонился, хрустнув позвонками. — А теперь прошу прощения — мне нужно разбудить еще четырнадцать адептов. И у одной из них очень твердый лоб. Приходится стучать сильнее. Иногда кость трескается. Но у меня есть запасные фаланги. Я готов.

Он развернулся и зашагал к двери, стуча костями по полу. На пороге остановился и обернулся.

— Адептка Алиса, — сказал он. — Роллы. Я бы посове-

товал их выбросить. Но если вы решите их съесть — у меня есть знакомый некромант, который может их... оживить. Ненадолго. Минут на пять. Но они будут двигаться. Это забавно.

— Спасибо, Джонатан, — ответила я, чувствуя, как уголки губ ползут вверх. — Я подумаю.

Скелет кивнул и вышел. Дверь за ним закрылась с тихим скрипом.

Лили села на кровати, потягиваясь, как кошка.

— Он тебе понравился, — сказала она с улыбкой. — Джонатан. Все любят Джонатана. Он лучший скелет в Институте. Однажды он нашел потерявшегося первокурсника в подвале и вывел его, держа за руку. Костлявой рукой. Первокурсник потом неделю заикался. Но был благодарен.

Я посмотрела на пакет с роллами. Потом на Лили. Потом на окно, за которым медленно поднималось солнце — оранжевое, огромное, с легким фиолетовым отливом, как будто его нарисовали акварелью.

— Лили, — сказала я. — У вас тут солнце всегда такого цвета?

— Только по утрам, — ответила она, вставая и направляясь к умывальнику. — Это из-за магического поля Института. Оно преломляет свет. Красиво, правда?

— Красиво, — согласилась я. — Очень.

Я встала, положила пакет с роллами на тумбочку и подошла к окну. Внизу раскинулся внутренний двор Института.

Серые камни, черные деревья без листьев, фонтан, из которого текла не вода, а что-то серебристое, светящееся. И студенты в черных мантиях, спешащие на занятия. Кто-то шел пешком. Кто-то летел на метле. Один студент ехал на огромной черепахе с панцирем, покрытым рунами. Черепаха двигалась медленно, но уверенно. Студент читал книгу, не обращая внимания на окружающих.

— Лили, — позвала я. — А что сегодня за занятия?

— Зельеварение, — ответила она, плескаясь у умывальника. — Первая пара. У профессора Мортема. Не опаздывай. Он превращает опоздавших в жаб обычно.

— Обычно?

— Ну, был один случай, когда студент опоздал три раза подряд. Мортем превратил его в жабу и забыл расколдовать. Тот просидел в пруду два месяца. Потом его нашли, расколдовали. Он теперь боится лягушек. И профессора Мортема. И воды. И всего зеленого.

Я сглотнула.

— Понятно. Не опаздывать.

Я подошла к шкафу, достала мантию, надела. Посмотрела в зеркало. Зеркало молчало. Видимо, еще не проснулось. Или делало вид, что не проснулось, чтобы не разговаривать со мной.

— Зеркало, — позвала я. — Как я выгляжу?

Молчание.

— Зеркало, я знаю, что ты не спишь. Ты вчера бормотало

во сне про «неприличное поведение».

Зеркало вздохнуло.

— Ты выглядишь... сносно, — нехотя произнесло оно. — Для человека, который провалился без вещей, не расчесывается и держит на тумбочке мертвые роллы. Волосы — ужас. Но глаза... глаза живые. Это плюс.

— Спасибо, — я улыбнулась. — Ты делаешь успехи.

— Я просто боюсь, что ты снова позовешь ректора, — пробурчало зеркало.

Я рассмеялась и пошла умываться.

Через двадцать минут с Лили вышли из комнаты и направились по коридору в сторону учебного корпуса. Я все еще сжимала в кармане черную чешуйку — теплую, пахнущую серой, — и пыталась не думать о серебряных глазах, которые смотрели на меня из темноты сна.

Получалось плохо.

Коридоры Института Смертельных Наук утром выглядели почти... уютно. Солнечный свет — оранжевый с фиолетовым отливом из-за магического поля — лился через высокие стрельчатые окна, рисуя на каменном полу причудливые узоры. Факелы на стенах дремали, лишь изредка выпуская тонкие струйки дыма. Картины тихо перешептывались, обсуждая утренние новости.

Когда мы проходили мимо портрета в синей рамке, тот ожил и крикнул мне вслед:

— Эй, красавица! Слышал, ты вчера чуть не подралась с Игнис! И ректор тебя спасал! Ты — ходячая катастрофа! Мне это нравится! Заходи поболтать вечером! Расскажешь подробности!

Я помахала ему рукой, не сбавляя шага.

— Ты же знаешь, — усмехнулась Лили, поправляя лямку сумки с книгами. — Синяя рамка — главный сплетник Института. Если хочешь узнать, кто с кем встречается, кто провалил экзамен и кто тайком варит запрещенные зелья в подвале — иди к нему. Он знает все. И расскажет. Даже то, чего не знает.

— А откуда он берет информацию?

— Портреты общаются между собой, — пояснила Лили. — У них своя сеть. Они передают новости от рамы к раме, от коридора к коридору. Быстрее, чем любая почта. Правда, иногда привирают. Для красоты. Но в целом — надежный источник.

Мы свернули в восточное крыло. Здесь коридоры были шире, а потолки — выше. На стенах висели не только портреты, но и гобелены с изображением великих магов прошлого. Один гобелен показывал битву с демоном — фигуры на нем двигались, взмахивали посохами, метали заклинания. Демон проигрывал. Снова и снова. Кажется, это была зацикленная анимация.

— Лили, — позвала я, разглядывая гобелен. — А расскажи еще про Институт. Ты вчера говорила про Нечто в подва-

ле, про библиотеку, про привидений. А что еще нужно знать новичку?

Лили задумалась, постукивая пальцем по подбородку.

— Ну, смотри. Во-первых, преподаватели. Ты уже знаешь про профессора Мортема — он ведет зельеварение. Старый, ворчливый, превращает опоздавших в жаб. Но вообще он добрый. В глубине души. Очень глубоко. Как уголь в шахте — надо долго копать.

Я хмыкнула.

— Кто еще?

— Профессор Вейл — некромантия. Он сам наполовину мертвый. В прямом смысле. Когда-то он провел неудачный ритуал и теперь существует между жизнью и смертью. Выглядит как очень бледный мужчина с синюшными губами и стеклянными глазами. Говорит медленно, двигается еще медленнее. Но некромантию знает отлично. Говорят, он лично знаком со Смертью. И они в хороших отношениях.

— Со Смертью? С большой буквы?

— Да. Она, оказывается, женщина. И любит чай с мятой. Вейл иногда приглашает ее на лекции. Как гостя. Студенты ее боятся, но она милая. Только не проси ее об отсрочке — она не дает. Говорит: «У меня график. Всему свое время».

Я покачала головой. Смерть, которая любит чай с мятой. Конечно. Почему бы и нет.

— Еще есть профессор Лиара — боевая магия, — продолжила Лили. — Она эльфийка, как и я. Но из другого кла-

на. Воинственного. У нее шрам через все лицо и характер как у разъяренной гарпии. Она может метнуть огненный шар так, что он обогнет угол и попадет точно в цель. Студенты ее обожают и боятся одновременно. Говорят, однажды она в одиночку разогнала армию нежити, просто накричав на них. Нежить распалась от страха.

— А что по предметам? — спросила я, перешагивая через трещину в полу, из которой шел пар. — Кроме зельеварения, некромантии и боевой магии?

— Есть рунология — ее ведет профессор Грейвс, древний старик с бородой до пола. Он знает все руны, которые когда-либо существовали. И те, которые забыты. И те, которые лучше не использовать. Однажды он показал студентам Руна Бездны. Ее запретил Верховный Ковен. Грейвс сказал: «Я просто показываю, вы не записывайте». Все записали. Потом было много проблем.

— Что за Руна Бездны?

— Она открывает портал в пустоту между мирами. Оттуда иногда вылезают твари. Грейвс говорит, что это «наглядное пособие». Ковен говорит, что это «нарушение семнадцати пунктов Кодекса магической безопасности». Грейвс все еще преподает. У него связи.

Мы свернули в очередной коридор. Здесь стены были украшены черепами. Настоящими. Разных размеров и форм. Человеческие, драконьи, какие-то совсем незнакомые — с тремя глазницами или клювами вместо челюстей.

— Это Галерея Черепов, — пояснила Лили, заметив мой взгляд. — Традиция Института. Каждый выдающийся маг, который здесь учился или преподавал, после смерти завещает свой череп Институту. Их выставляют здесь. Говорят, по ночам они разговаривают. Спорят о магии, вспоминают былое, критикуют современных студентов.

— Они... живые?

— Не совсем. Скорее, в них остался отпечаток личности. Эхо. Как запись на пластинке. Они могут отвечать на вопросы, но не могут создавать новое. Многие студенты приходят сюда перед экзаменами — просить совета у великих предков. Иногда помогает.

Я посмотрела на один из черепов — человеческий, с трещиной на лбу. Он, кажется, смотрел на меня в ответ. Пустыми глазницами. Но смотрел.

— А Верховный Ковен? — спросила я, отводя взгляд. — Ты вчера говорила, что ректор — его член. А кто еще входит в Ковен?

Лили оживилась. Видимо, политика магического мира была ей интересна.

— Верховный Ковен — это тринадцать сильнейших магов континента, — начала она. — Они управляют всем: законами, распределением магической энергии, контролем над опасными артефактами. У каждого есть своя специализация. Лорд Ашерон — от темных искусств и некромантии. Есть еще леди Селеста — от светлой магии и целительства. Ма-

гистр Кейн — от боевой магии. Архимаг Фолкнер — от рунологии и древних знаний. И так далее.

— Тринадцать человек управляют всем магическим миром?

— Не совсем управляют, — Лили покачала головой. — Скорее, следят за балансом. У каждого из них есть своя территория, свой институт или орден. Они собираются раз в сезон на Совет, обсуждают важные вопросы, голосуют. Лорд Ашерон редко ездит на эти собрания. Говорит, что у него нет времени на «политические танцы стариков в мантиях». Ковен его недолюбливает, но терпит. Потому что он сильный. И потому что Институт Смертельных Наук под его руководством стал лучшим на континенте.

— А кто главный в Ковене? Верховный маг?

— Формально — да. Сейчас это Архимаг Мерлин. Да, его правда так зовут. Говорят, он потомок того самого Мерлина из легенд. Старый, мудрый, с длинной белой бородой и глазами, которые видели рождение и смерть миров. Он редко вмешивается в дела, предпочитает наблюдать. Но если уж вмешивается — все замирают и слушают.

— Мерлин, — повторила я. — Конечно. Как я могла сомневаться.

Мы подошли к массивной дубовой двери с табличкой: «Аудитория зельеварения. Профессор Мортем. Входить тихо. Не дышать на котлы. Не кормить ингредиенты».

— Пришли, — сказала Лили, берясь за ручку. — Готова?

— Всегда готова, — ответила я, хотя внутри все дрожало. Мы вошли.

Аудитория оказалась огромной. Высокие сводчатые потолки терялись в полумраке, освещенные лишь магическими светильниками, парящими под самым потолком. Ряды длинных столов тянулись через весь зал. На каждом столе — котел, набор колб, пробирок, мерных ложек и баночек с ингредиентами.

Вдоль стен — высокие шкафы со стеклянными дверцами. За ними — сотни банок, бутылок, пузырьков. Сушеные травы, порошки всех цветов радуги, жидкости, которые светились, булькали, шевелились. В одной банке плавали чьи-то глаза. В другой — копошились маленькие существа, похожие на мохнатые шарики с лапками. В третьей — что-то пульсировало, издавая низкий гул.

Студенты уже рассаживались. Кто-то зевал, кто-то листал учебники, кто-то тихо переговаривался. Я заметила парня-призрака с третьего курса — он сидел за дальним столом, полупрозрачный, и что-то записывал в тетрадь. Его перо проходило сквозь страницу, но чернила оставались.

Мы с Лили заняли свободный стол в середине аудитории. Я достала пергамент и перо, разложила перед собой, приготовилась записывать. Лили тем временем с интересом разглядывала ингредиенты на столе.

— О, смотри, — сказала она, указывая на маленькую баночку с серебристым порошком. — Пыльца лунной моли.

Редкая штука. Ее собирают только в полнолуние, и только с живых мотыльков. Очень ценится в зельях сна.

— А это? — я ткнула пальцем в банку с чем-то красным и вязким.

— Кровь саламандры. Для зелий огня и тепла. Не пробуй на вкус — язык онемееет на неделю.

Я отодвинула банку подальше.

В аудиторию продолжали заходить студенты. Последней вошла девушка с очень бледным лицом, черными волосами и темными кругами под глазами. Она села за свободный стол в углу, достала учебник и уставилась в одну точку, не моргая.

— Это Моргана Блэквуд, — шепнула Лили. — Та самая. Которая пыталась принести соседку в жертву.

— Она выглядит... уставшей.

— Она всегда так выглядит. Говорят, она не спит по ночам. Проводит ритуалы. Или просто пьет много бодрящих зелий. Никто не знает точно.

Я посмотрела на Моргану. Она почувствовала мой взгляд и медленно повернула голову. Наши глаза встретились. У нее были очень темные, почти черные глаза. И в них что-то мелькнуло — не враждебность, нет. Скорее, любопытство. Она чуть наклонила голову, разглядывая меня, потом едва заметно кивнула и отвернулась.

— Кажется, ты ей понравилась, — прошептала Лили.

— С чего ты взяла?

— Она не попыталась тебя проклясть. Это хороший знак.

Я не нашлась, что ответить.

— Лили, — шепнула я, наклоняясь к эльфийке. — А это точно первый курс? Вон те, у дальней стены... они выглядят так, будто уже могут варить зелья с закрытыми глазами. И без котла.

Лили проследила за моим взглядом и понимающе кивнула.

— Старшие курсы. У нас свободное посещение любых занятий. Хочешь — сиди на первом курсе и повторяй базу. Хочешь — на пятом, если мозгов хватит. Некоторые приходят, потому что им скучно. Некоторые — потому что провалили экзамен и боятся повторно завалить. А некоторые... — она чуть понизила голос, — просто любят смотреть, как мучаются новички.

Я снова посмотрела на «старших». Один из них — светловолосый парень с идеальной осанкой и ленивой ухмылкой — поймал мой взгляд и чуть приподнял бровь, будто говоря: «Ну-ну, покажи, на что способна».

— А этот? — спросила я, кивая в его сторону. — Тоже базу повторяет?

Лили чуть поморщилась.

— Это третьекурсник. Племянник кого-то из Верховного Ковена. Ходит на занятия к первокурсникам... часто. Говорит, что помогает профессору. Но мне кажется, ему просто нравится чувствовать себя самым умным в комнате.

Я хмыкнула.

— Понятно. Местный король, который боится конкуренции на своем курсе и самоутверждается за счет новичков. Классика.

Лили тихо прыснула.

— Ты его раскусила быстрее, чем я. Я две недели думала, что он просто очень старательный.

— Я таких, как он, вычисляю за три секунды. Смотрит как на букашку, ухмыляется, ждет, когда ошибешься. Ничего, пусть смотрит. Может, чему полезному научится.

Парень, будто услышав или прочитав по губам, чуть сузил глаза. Ухмылка стала жестче. Но я уже отвернулась и сосредоточилась на ингредиентах.

В этот момент дверь аудитории распахнулась, и вошел профессор Мортем. Старый, седой, с посохом в виде черепа ворона. Его мантия была в зеленых разводах от пролитых зелий. Глаза — выцветшие, но острые, как у ястреба. Он прошел к кафедре, окинул аудиторию взглядом и остановился на мне.

— А, новая адептка, — произнес он скрипучим голосом.

Я открыла рот, чтобы ответить, но он уже отвернулся и начал писать тему занятия на доске.

«Базовое зелье успокоения».

— Сегодня, — сказал он, поворачиваясь к аудитории, — мы будем варить самое простое зелье в программе. Его варят даже дети в магических семьях. Оно безопасно. Оно не взрывается. Оно не превращает людей в жаб. Оно просто успока-

ивает. Надеюсь, никто не устроит катастрофу.

Он снова посмотрел на меня. Я невинно улыбнулась.

Профессор Мортем вздохнул.

— Приступайте. Ингредиенты на столах. Рецепт на доске.

У вас сорок минут.

На доске действительно проявился рецепт. Буквы были старомодные, витиеватые, с завитушками, но читаемые.

«Базовое зелье успокоения. Уровень: начальный. Время приготовления: 40 минут».

Ингредиенты:

- *Настойка лунной мяты — 3 капли*
- *Пыльца сонной розы — 1 щепотка*
- *Толченый корень валерианы — 2 грамма*
- *Слеза единорога — 1 капля (или заменитель: дистиллированная вода с растворенной радужной солью)*
- *Лепестки ромашки — 5 штук*
- *Основа: родниковая вода — 200 мл*

Инструкция:

- 1. Довести воду до кипения, но не кипятить.*
- 2. Добавить настойку лунной мяты, помешать три раза по часовой стрелке.*
- 3. Всыпать пыльцу сонной розы, помешать один раз против часовой стрелки.*

4. Добавить толченый корень валерианы, дать настояться 2 минуты.
5. Ввести слезу единорога (или заменитель), помешать пять раз по часовой стрелке.
6. Украсить лепестками ромашки. Не мешать!
7. Охладить до комнатной температуры.

Зелье должно приобрести нежно-голубой цвет и легкий аромат мяты. При правильном приготовлении успокаивает, снимает тревожность, помогает при бессоннице.

Предупреждение : не превышать дозировку ингредиентов. Не менять порядок действий. Не использовать просроченные компоненты. Не варить в плохом настроении — зелье впитывает эмоции.

Я перечитала рецепт трижды. Выглядело несложно. Даже для меня. Даже с учетом того, что последний раз я стояла у плиты, когда разогревала пельмени. И они пригорели.

— Лили, — прошептала я, наклоняясь к эльфийке. — А что значит «довести до кипения, но не кипятить»? Это как?

— Это значит нагреть почти до пузырьков, но не дать им появиться, — пояснила она, уже устанавливая котел на магическую горелку. — Следи за водой. Как только увидишь первые признаки кипения — сразу снимай с огня. Или убавляй температуру. У меня есть термометр, могу одолжить.

— У вас тут есть термометры? — удивилась я. — В магическом мире?

— А ты думала, мы тут все на глаз определяем? — Лили усмехнулась. — Магия магией, но точные измерения еще никому не мешали. Особенно в зельеварении. Ошибка на градус — и вместо успокоительного получишь слабительное. Или наоборот.

Я взяла термометр — стеклянную трубочку с серебристой жидкостью внутри — и опустила в котел с родниковой водой. Зажгла горелку. Магический огонь вспыхнул ровным синим пламенем, приятно согревая руки.

«Так, Алиса, — сказала я себе. — Ты справишься. Это просто зелье. Простое. Безопасное. Его варят даже дети. Ты не глупее ребенка. Наверное».

Вода начала нагреваться. Я следила за термометром, как коршун за добычей. Восемьдесят градусов. Восемьдесят пять. Девяносто.

— Пора, — шепнула Лили, кивая на мой котел.

Я сняла котел с огня и поставила на подставку. Вода была горячей, но не кипела. Идеально. Первый шаг выполнен.

Теперь настойка лунной мяты. Я взяла маленький пузырек с серебристой жидкостью, пахнущей мятой и чем-то холодным, как зимний ветер. Отсчитала три капли. Кап. Кап. Кап. Упали в воду, расходясь серебристыми разводами.

Помешала три раза по часовой стрелке. Жидкость стала чуть светлее.

Пыльца сонной розы. Маленькая баночка с нежным розовым порошком, который мерцал в полумраке аудитории. Я взяла щепотку — буквально на кончике ножа — и всыпала в котел.

И тут меня что-то дернуло.

Не в прямом смысле. Просто... воспоминание. Сон. Дракон. Серебряные глаза. Почти-поцелуй. Мои щеки вспыхнули. Рука дрогнула. И щепотка превратилась в... хорошую такую горсть.

Пыльца сонной розы посыпалась в котел, как розовый снегопад.

— Ой, — сказала я.

— Что «ой»? — Лили оторвалась от своего котла и заглянула в мой. — Алиса... сколько ты туда сыпанула?

— Ну... щепотку?

— Это не щепотка. Это... это горсть. Огромная. Ты что, хочешь усыпить весь Институт?!

— Я случайно! — зашипела я. — Я задумалась и... случайно.

Лили посмотрела на мой котел. Зелье внутри него начало менять цвет. С нежно-голубого на... насыщенно-фиолетовый. И оно булькало. Хотя огонь под котлом был выключен.

— Так, — сказала Лили очень спокойным голосом. — Не паникуем. Это просто передозировка сонной розы. Зелье будет сильнее, чем нужно. Максимум — профессор Мортем поворчит и заставит переварить. Продолжай по рецепту. Мо-

жет, выровняется.

Я кивнула и потянулась за толченым корнем валерианы. Два грамма. Я тщательно отмерила на весах, стараясь не думать о драконе, ректоре и том, как близко были его губы. Не думать. Не думать. Не...

Рука снова дрогнула. Воспоминание о глазах ректора удавило, как молния. Я высыпала в котел не два грамма, а... в общем, больше.

Зелье стало темно-фиолетовым. Почти черным. И зашипело.

— Алиса, — голос Лили дрогнул. — Что ты делаешь?

— Я не знаю! — честно ответила я. — Оно само!

Я схватила пузырек со слезой единорога. Вернее, с заменителем — дистиллированной водой с радужной солью. Одна капля. Всего одна. Я наклонила пузырек над котлом.

Кап.

И в этот момент я снова вспомнила его лицо. То, как он смотрел на меня во сне. Как наклонился. Как его дыхание коснулось моих губ.

Мои пальцы сжались. Пузырек накренился сильнее. И в котел вылилось... много. Очень много. Половина пузырька.

Зелье взорвалось цветом.

Серьезно. Оно стало переливаться всеми цветами радуги, как жидкая дискотека. Фиолетовый сменялся розовым, розовый — золотым, золотой — изумрудным. Оно светилось. Оно пело. Тихо, на грани слышимости, но пело. Какую-то

успокаивающую мелодию. Колыбельную.

— Что... — прошептала Лили, отодвигаясь. — Что это?

— Я не знаю, — повторила я, глядя на свое творение. — Но оно... красивое?

Зелье в котле переливалось и мурлыкало. От него исходил аромат — мята, роза, валериана, что-то еще, неуловимое, как запах морозного утра. И этот запах... успокаивал. Реально успокаивал. Я чувствовала, как тревога отступает, как мысли о ректоре становятся не такими пугающими, как все проблемы кажутся... неважными.

— Алиса, — Лили потрясла меня за плечо. — Алиса, не нюхай! Отойди от котла!

Я моргнула. Отступила на шаг. Запах ослаб, и я снова могла мыслить трезво.

В этот момент профессор Мортем, обходивший аудиторию, остановился у нашего стола. Посмотрел на мой котел. На переливающееся, поющее, благоухающее зелье.

Он замер.

Медленно снял очки. Протер. Надел снова. Посмотрел еще раз.

— Адептка... — начал он тихо. Очень тихо. — Что это такое?

— Базовое зелье успокоения? — предположила я.

— Это, — профессор ткнул пальцем в котел, — не базовое зелье успокоения. Это... я не знаю, что это. Я преподаю зельеварение триста лет. Я видел все. Взрывы, пожары,

необычные превращения, случайное создание философского камня, ожившие ингредиенты, котлы, которые улетали в окно. Но ЭТО... — он сделал паузу, — ...я вижу впервые.

Он наклонился к котлу, осторожно вдохнул аромат. Его лицо разгладилось. Морщины стали менее глубокими. Глаза — менее колючими. Он улыбнулся. Профессор Мортем, который не улыбался никогда, улыбнулся.

— Какое... приятное, — пробормотал он. — Очень приятное. Мне... хорошо. Мне спокойно. Я... я, пожалуй, отменю сегодня превращение в жаб. Для всех. Даже для опоздавших.

Аудитория замерла. Студенты, которые слышали это, зашептались. Профессор Мортем — и отменяет наказание? Это было... неслыханно.

— Адептка, — он повернулся ко мне. — Вы должны пойти со мной к ректору. Немедленно. Это зелье... оно... я не знаю, что оно делает. Но оно опасное. Или гениальное. Или и то, и другое.

— Я не хотела, — сказала я жалобно. — Я просто... задумалась. О... о личном.

Профессор Мортем посмотрел на меня долгим взглядом. — О личном, — повторил он. — О ком-то конкретном? Я промолчала. Но щеки предательски покраснели.

Профессор Мортем вздохнул.

— Зельеварение и влюбленность несовместимы, адептка. Эмоции влияют на магию. Особенно... такие эмоции. Ваше

зелье впитало ваши чувства. И теперь это не просто успокоительное. Это... что-то другое.

Он взял котел и направился к двери.

— За мной. И молитесь, чтобы лорд Ашерон был в хорошем настроении.

Я поплелась за ним, чувствуя на себе взгляды всех студентов. Лили смотрела с сочувствием. Моргана Блэквуд — с интересом. Парень-призрак — с пониманием (он сам был ходячей катастрофой).

Мы вышли в коридор. Профессор Мортем шел быстро, неся котел с моим поющим, переливающимся зельем. Я едва поспевала.

— Профессор, — позвала я. — А что теперь будет? Меня отчислят?

— Не знаю, — честно ответил он. — Все зависит от ректора. И от того, что именно вы сварили. Я возьму образец для анализа. Но одно могу сказать точно...

Он остановился и посмотрел на меня.

— За триста лет преподавания я не видел, чтобы зелье пело. И пахло так... приятно. И успокаивало одним запахом. Вы либо гений, либо катастрофа. Либо и то, и другое.

Мы подошли к двери кабинета ректора. Профессор Мортем постучал.

— Войдите, — раздался ледяной голос.

Дверь открылась. Я шагнула внутрь.

Лорд Ашерон сидел за столом, просматривая какие-то до-

кументы. Когда он поднял глаза и увидел меня, его бровь чуть приподнялась.

— Адептка Алиса, — произнес он. — Вы здесь... снова. Прошло меньше суток. Я впечатлен.

— Она сварила нечто, — сказал профессор Мортем, ставя котел на стол ректора. — Я не знаю, что это. Но оно поет. И пахнет. И переливается. И... успокаивает.

Лорд Ашерон посмотрел на котел. На переливающееся зелье. На профессора Мортема, который все еще улыбался (неслыханно!). На меня.

— Адептка Алиса, — медленно произнес он. — Что вы добавили в зелье?

— Все по рецепту, — честно ответила я. — Только... немного больше. Случайно. Я задумалась.

— О чем?

Я замолчала. Щеки горели. Я не могла сказать ему правду. «Я задумалась о вас, о том, как вы спасали меня во сне, о почти-поцелуе, и мои руки сами добавили лишнего». Нет. Ни за что.

— О личном, — пробормотала я.

Лорд Ашерон смотрел на меня. Долго. Очень долго. А потом в его глазах мелькнуло что-то... знакомое. Что-то теплое. Что-то, что я видела во сне.

— Профессор Мортем, — сказал он, не отрывая от меня взгляда. — Оставьте нас. Я разберусь.

Профессор кивнул и вышел, аккуратно прикрыв за собой

дверь.

Я осталась наедине с ректором. С моим ледяным красавцем. С мужчиной, который снился мне этой ночью. Который почти поцеловал меня. И который сейчас смотрел на меня так, будто знал. Всё знал.

— Адептка Алиса, — произнес он тихо. — Расскажите мне, о чем именно вы задумались, когда варили зелье. И не лгите. Я чувствую ложь.

Я сглотнула.

Я стояла посреди кабинета лорда Ашерона и чувствовала, как горят щеки. Котел с моим «шедевром» стоял на его столе, переливаясь всеми цветами радуги и тихо мурлыкая колыбельную. Запах — мята, роза, валериана и что-то морозное, как зимнее утро, — заполнял комнату.

Ректор смотрел на меня. Ждал.

— Я... — начала я и запнулась. — Это глупо.

— Я слушаю, адептка.

В его голосе не было угрозы. Только... любопытство? И что-то еще, чему я не знала названия.

— Мне приснился сон, — выпалила я, глядя куда-то в район его левого плеча, потому что смотреть в глаза было невыносимо. — Сегодня ночью. Там был дракон. Огромный, черный, с желтыми глазами. Он хотел меня съесть. Говорил, что я вкусно пахну и забавная.

Я сделала паузу. Лорд Ашерон не шелохнулся.

— Я бежала, но пещера закончилась тупиком. Дракон уже

открыл пасть, и тут... появились вы. Встали между мной и ним. Сказали: «Это моя адептка. Ты ее не получишь». И дракон испугался. Уменьшился до ящерицы и убежал.

Я снова замолчала. В кабинете было тихо, только зелье тихонько пело.

— А потом? — голос ректора прозвучал мягче, чем обычно. Почти... заинтересованно.

— А потом вы подхватили меня, потому что у меня подкосились ноги. И сказали, что это был всего лишь сон, а дракона зовут Ксартакс, и он питается страхами студентов. Но я его не боялась, поэтому он разозлился и решил меня съесть. И... — я запнулась. — И вы сказали, что я странная. Очень странная.

— Это правда, — тихо сказал он.

Я наконец подняла глаза. Он смотрел на меня. Не холодно. Не ледяным взглядом, от которого замерзала вода в графине. А... иначе. Как смотрел там, во сне. Когда наклонился так близко, что я чувствовала его дыхание.

— А потом, — продолжила я, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, — вы наклонились. Близко. Очень близко. И...

Я не договорила. Просто сунула руку в карман мантии, достала черную чешуйку и положила на стол перед ним. Чешуйка была теплой. И пахла серой.

Лорд Ашерон посмотрел на нее. Потом на меня. Потом снова на чешуйку.

В кабинете повисла тишина. Такая густая, что ее можно было резать ножом. Зелье в котле перестало петь, будто тоже затаило дыхание.

— Это чешуя Ксартакса, — произнес он наконец. — Настоящая. Не сон.

— Я знаю, — прошептала я. — Я проснулась, а она лежала на тумбочке. И я поняла, что это был не просто сон. Вы действительно там были. Спасли меня. И почти...

Я осеклась. Слово «поцеловали» застряло в горле.

Лорд Ашерон медленно обошел стол и встал напротив меня. Близко. Очень близко. Как во сне. Я чувствовала запах морозной свежести и трав. Видела серебряные глаза, в которых отражался свет от моего поющего зелья. Слышала его дыхание — ровное, спокойное, но... не совсем. Будто он тоже волновался.

— Адептка Алиса, — произнес он тихо. — Вы хотите знать правду?

Я кивнула, не в силах говорить.

— Ксартакс — древний дракон, который действительно охотится на студентов в снах. Он питается их страхами. Но вас он выбрал не случайно. Он почувствовал... пророчество.

— Пророчество? — мой голос дрогнул. — Лили говорила что-то о пророчестве. О попаданце, который изменит все. Институт. Ковен. И... вас.

— Да, — он чуть наклонил голову. — Старое пророчество. Ему триста лет. Оно гласит, что однажды в Институт

Смертельных Наук попадет человек не из нашего мира. Человек, который не боится. Который не склоняется перед силой. Который меняет правила, а не следует им. И этот человек... изменит все.

Он сделал паузу. Его глаза не отпускали мои.

— Я ждал, — продолжил он. — Двести лет. Многие считали пророчество выдумкой. Сказкой для первокурсников. Но я... я чувствовал, что оно настоящее. И когда вы появились в зале с чеком из суши-бара и начали требовать книгу жалоб, я понял. Это вы.

Я молчала. В голове был полный хаос. Пророчество. Двести лет ожидания. И я — менеджер колл-центра, которая орала на курьера из-за роллов с огурцом, — та самая избранная? Seriously?

— Это какая-то ошибка, — сказала я. — Я не героиня. Я не умею менять миры. Я умею только успокаивать токсичных клиентов и варить пельмени. И то они иногда пригорают. Так что пельмени я тоже не особо умею варить.

— Герои редко выглядят так, как мы ожидаем, — он чуть улыбнулся. Той самой улыбкой — уголком губ. — И пророчество не говорит о героизме. Оно говорит о переменах. А перемены... они редко бывают удобными. Чаще всего они приходят в виде катастрофы.

— Вы меня сейчас катастрофой назвали?

— Я назвал вас переменой, — его глаза блеснули. — А катастрофа — это ваше зелье. Которое, кстати, поет.

Я перевела взгляд на котел. Зелье снова замурыкало, переливаясь из розового в золотой. Оно выглядело... счастливым. Если зелья вообще могут выглядеть счастливыми.

— Что мне теперь делать? — спросила я. — С зельем? С пророчеством? С... вами?

Лорд Ашерон взял чешуйку Ксартакса со стола. Повертел в пальцах.

— Зелье мы изучим. Возможно, оно действительно уникально. Что касается пророчества... вы ничего не должны делать. Просто будьте собой. Этого достаточно.

— А вы? — тихо спросила я. — Что вы будете делать?

Он посмотрел на меня. Долго. Очень долго. А потом сделал то, чего я совершенно не ожидала.

Он взял мою руку. Поднес к губам. И легко, почти неведомо, коснулся пальцев.

— Я буду ждать, — сказал он, отпуская мою руку. — Двести лет — долгий срок. Еще немного — не страшно. А теперь идите, адептка Алиса. У вас еще занятия. И постарайтесь больше ничего не взорвать. Хотя бы до обеда.

Я стояла, не в силах пошевелиться. Мои пальцы горели в том месте, где он их коснулся. Щеки пылали. Сердце колотилось, как бешеное.

— Я... да, — пробормотала я. — Занятия. Ничего не взрывать. До обеда. Поняла.

Я попятилась к двери, не сводя с него глаз. Он стоял у стола — высокий, в черном мундире, с серебряными глазами, в

которых плясали отблески моего поющего зелья. И улыбался. Едва заметно. Но улыбался.

Я вышла в коридор и выдохнула, закрыв глаза. Ноги не держали.

«Он ждал двести лет, — пронеслось в голове. — Двести лет. И он думает, что это я. Я — та самая. Из пророчества».

Я потрясла головой. Нет, это слишком. Слишком много для девушки, которая еще вчера отвечала на звонки в колл-центре и мечтала о роллах с угрем.

Но чешуйка осталась у него. И мои пальцы все еще горели от его прикосновения. И где-то глубоко внутри, в том месте, где живет интуиция, я знала: это только начало.

Я оттолкнулась от стены и пошла обратно в аудиторию зельеварения. Лили, наверное, уже с ума сходит от любопытства. И профессор Мортем ждет результатов.

А где-то в кабинете ректора тихо пело зелье, сваренное из мяты, розы, валерианы и... моих чувств. Зелье, которое успокаивало одним запахом. Которое профессор Мортем назвал «либо гениальным, либо опасным».

Зелье, которое, кажется, изменило все.

Глава 4: Если твой круг общения — эльфийка, призрак, маньячка и вампир с томатным соком, то ты на верном пути

Я вышла из кабинета ректора и прислонилась к стене. Ноги держали плохо. Пальцы все еще горели в том месте, где они их коснулся губами. А в голове крутилось одно слово: «Пророчество. Пророчество. Пророчество».

— Соберись, Алиса, — прошептала я себе. — Ты менеджер колл-центра. Ты разруливала скандалы с клиентами, которые грозились сжечь офис. Ты справишься. Это просто... судьба мира. Не больше.

Я оттолкнулась от стены и пошла обратно в аудиторию. Коридоры Института Смертельных Наук больше не казались такими уж страшными. Ну, подумаешь, факелы чихают искрами. Ну, портреты сплетничают. Ну, где-то в подвале живет Нечто. После разговора с ректором о пророчестве меня уже сложно было чем-то удивить.

Я толкнула дверь аудитории и вошла.

Лили подскочила с места, едва завидев меня. Ее зеленые глаза горели любопытством, уши чуть подрагивали — верный признак того, что эльфийка сейчас лопнет от желания

задать миллион вопросов.

— Ну?! — выдохнула она, хватая меня за рукав. — Что он сказал? Тебя отчислят? Ты ему понравилась? Зелье правда опасно? Почему ты так долго? У тебя щеки красные! Почему у тебя щеки красные?!

— Лили, — я высвободила рукав, — дай сесть. И дышать. Желательно в обратном порядке.

Я опустилась на стул. В аудитории стоял гул — студенты обсуждали увиденное. Еще бы: новенькая сварила поющее зелье, профессор Мортем улыбнулся, ректор лично вызвал ее в кабинет. Такое не каждый день случается. Даже в Институте Смертельных Наук.

— Рассказывай, — потребовала Лили, придвигаясь ближе. — Всё. С подробностями. Я ждала. Я чуть свой котел не взорвала от волнения. Он у меня пузыриться начал. Пришлось тушить.

— Зелье отправят на анализ в Верховный Ковен, — сказала я, глядя в стол. — Ректор сказал, что оно... уникальное. И что я...

Я запнулась. Рассказывать про пророчество? Про двести лет ожидания? Про то, что лорд Ашерон поцеловал мне руку и сказал, что будет ждать?

— Что ты? — Лили подалась вперед.

— Что я странная, — выкрутилась я. — Очень странная. Это он и раньше говорил, ничего нового.

Лили прищурилась. Она явно не поверила, но допрос при-

шлось отложить — профессор Мортем вернулся в аудиторию. Без моего котла, но с очень задумчивым выражением лица. Таким задумчивым, что даже его посох с черепом ворона, кажется, притих.

— Адепты, — произнес он, и в аудитории мгновенно стало тихо. — Практикум окончен. Сейчас мы проведем анализ зелий, которые вы сварили. Подходите по одному, показывайте результат. Оценки объявлю сразу.

Студенты зашевелились. Кто-то радостно нес свой котел к столу профессора, кто-то прятал неудавшийся образец за спиной. Лили подтолкнула меня локтем.

— У тебя же нет зелья, — прошептала она. — Что будешь делать?

— Понятия не имею, — честно ответила я.

Очередь двигалась быстро. Профессор Мортем нюхал, капал какие-то реактивы, хмурился или кивал. Большинство получали «удовлетворительно» или «хорошо». Лили заработала «отлично» — ее зелье было идеального нежно-голубого цвета и пахло ровно так, как должно.

— Адептка Алиса, — позвал профессор, когда очередь дошла до меня.

Я подошла к столу с пустыми руками.

— У меня нет зелья, профессор. Оно... у ректора.

В аудитории зашептались. Я спиной чувствовала взгляды — любопытные, насмешливые, удивленные.

Профессор Мортем посмотрел на меня долгим взглядом.

Потом вздохнул.

— Адептка Алиса, ваш образец отправлен в Верховный Ковен для анализа. Такого в моей практике еще не случилось. Обычно зелья первокурсников не интересуют высший магический орган континента. Вы побили рекорд.

Он сделал паузу. Я затаила дыхание.

— Однако, — продолжил он, — задание было простым: сварить базовое зелье успокоения по рецепту. Вы с заданием не справились. Рецепт нарушен. Дозировки превышены. Результат непредсказуем. Поэтому за практикум — «неуд».

По аудитории прокатился шепот. Кто-то тихо засмеялся. Я почувствовала, как щеки вспыхнули. «Неуд». Первая же оценка в Институте — и «неуд». Прекрасное начало, Алиса.

— Но, — профессор поднял палец, — если Верховный Ковен признает ваше зелье ценным, оценка будет пересмотрена. А пока — вы свободны. Занятие окончено.

Я кивнула и пошла к своему столу собирать вещи. Внутри было пусто и как-то... горько. Я не привыкла проваливать задания. В колл-центре у меня были лучшие показатели по продажам. Меня ставили в пример новичкам. А тут — первый день, и уже «неуд».

— Не расстраивайся, — Лили тронула меня за плечо. — Это всего лишь одно занятие. У тебя будет шанс исправиться. И вообще — твое зелье поет. Кому какое дело до оценки, когда ты сварила поющее зелье?

— Мне есть дело, — тихо ответила я, запихивая перга-

мент в сумку. — Я не привыкла быть худшей.

Я выпрямилась и посмотрела на Лили.

— Я исправлюсь. Обещаю. Я выучу все эти травы, порошки и пропорции. Я докажу, что могу. Не знаю как, но докажу.

В моем голосе прозвучало что-то новое. Что-то, чего не было раньше. Упрямство? Злость? Желание доказать — не кому-то, а себе? Я сама не поняла. Но Лили заметила. Она улыбнулась и кивнула.

— Вот это настрой. Пойдем, а то опоздаем на следующую пару.

Мы вышли в коридор. Студенты расходились, обсуждая занятие. Я шла, глядя под ноги, и прокручивала в голове рецепт. Где я ошиблась? Почему не смогла следовать простым инструкциям? Неужели я настолько безнадежна?

— Смотрите-ка, — раздался насмешливый голос за спиной. — Та самая попаданка, которая сварила «уникальное» зелье. И получила «неуд».

Я обернулась.

Передо мной стоял парень-умник из аудитории. Высокий, светловолосый, с холодными голубыми глазами и улыбкой, от которой хотелось помыть руки. Мантия на нем сидела идеально, на груди — значок с каким-то гербом (не Института, другой). За его спиной стояли еще двое — явно из его компании. Один ухмылялся, второй просто смотрел с превосходством.

— Простите? — я приподняла бровь. — Мы знакомы?

— Ты — нет, — парень шагнул ближе. — А тебя теперь знает весь Институт. Алиса, да? Попаданка из мира без магии. Сварила зелье, которое пришлось отправлять в Ковен. И провалила практикум.

Он усмехнулся.

— Громкое начало. Но громкое — не значит хорошее. Ты здесь чужая. Случайная. Думаешь, раз на тебя обратил внимание ректор, ты особенная? Ошибаешься. Ты — ошибка. Ритуал Переселения сработал случайно. Ты не должна была здесь оказаться. И долго не продержишься.

Я смотрела на него. Внутри что-то закипало. Тот самый гнев, который помог мне пробить границу миров из-за роллов с огурцом. Тот самый, который заставил дракона Ксартакса отступить. Но сейчас я его сдержала.

— Как тебя зовут? — спросила я ровным голосом.

— Кайл Вэйн, — он чуть поклонился, издевательски. — Адепт третьего курса. Специализация — темные искусства. Лучший на потоке. Племянник члена Верховного Ковена, если тебе интересно.

— Мне неинтересно, — ответила я. — Но спасибо за информацию. Буду знать, кого обходить стороной.

Я развернулась и пошла прочь. Лили догнала меня через пару шагов.

— Алиса, — зашептала она. — Это Кайл Вэйн. Он... он та еще гадюка. Его дядя — магистр Вэйн из Ковена, и Кайл этим пользуется. Он любит травить новичков. Особенно тех,

кто чем-то выделился. А ты... ты очень выделилась.

— Я заметила, — сухо ответила я.

— Он не остановится, — Лили тревожно оглянулась. — Он будет цепляться, провоцировать, пытаться выставить тебя душой. У него связи, деньги, влияние. А у тебя...

— А у меня что? — я остановилась и посмотрела на Лили. — Ничего? Ты это хотела сказать?

Лили замялась.

— У тебя есть ректор, — тихо сказала она. — Он тебя защищает. Но Кайл... он может найти способ навредить даже под носом у ректора. Будь осторожна.

Я кивнула и пошла дальше. Внутри все бурлило. «Ошибка». «Чужая». «Не продержишься». Слова Кайла звенели в ушах. И знаете что? Раньше я бы, наверное, расстроилась. Засомневалась. Решила, что он прав.

Но сейчас — нет.

Потому что я вспомнила серебряные глаза лорда Ашерона. Его слова: «Я ждал двести лет». Пророчество, в которое он верит. И чешуйку дракона, которую я нашла на тумбочке.

Я не ошибка. Я — перемена. А перемены редко бывают удобными. И уж точно не сдаются после первого «неуда» и первой встречи с местным задирой.

— Лили, — сказала я, когда мы подошли к следующей аудитории. — А Кайл Вэйн... он на каком курсе по некромантии?

— На третьем. А что?

— Ничего, — я улыбнулась. — Просто интересно.

В моей голове уже зрел план. Нет, не месть. Мечь — это мелко. Я придумаю кое-что получше. Я докажу, что «чужая» может стать лучшей. Не потому, что так надо. А потому, что я так хочу.

И Кайл Вэйн станет первым, кто в этом убедится.

Следующей парой была некромантия. Я шла в аудиторию с тяжелым сердцем и легким недоумением — зачем вообще живому человеку учиться поднимать мертвых? Но выбора никто не давал. Расписание есть расписание.

Аудитория некромантии располагалась в подвальном этаже. Разумеется. Где же еще? Коридоры здесь были темнее, факелы горели тусклым зеленоватым огнем, а воздух пах сырой землей и чем-то сладковатым, о чем я старалась не думать.

Профессор Вейл уже ждал нас. Он сидел за кафедрой — высокий, тощий, с кожей сероватого оттенка и глазами, которые смотрели куда-то сквозь студентов. Говорили, что он сам наполовину мертв после неудачного ритуала. Глядя на него, я в это охотно верила. Он не дышал. Вообще. Грудная клетка не двигалась. А когда он говорил, его губы почти не шевелились — звук возникал будто сам по себе, глухой и монотонный.

— Сегодня... основы... поднятия... малых... объектов... — пробубнил он, растягивая слова так, что между ними можно

было сварить кофе. — Камни... перья... сухие... листья... Не... торопитесь... Мертвые... не любят... спешки...

Я честно пыталась слушать. Правда. Но его голос действовал как лучшее снотворное в мире. В сочетании с полумраком и запахом земли я клевала носом уже через десять минут. Лили тихонько толкала меня локтем, когда я начинала заваливаться набок.

Практическая часть прошла... никак. Я смотрела на камень, камень смотрел на меня (метафорически, он был просто камнем), и ничего не происходило. У Лили камень чуть дернулся. У кого-то из студентов перо взлетело на пару сантиметров. Мой камень остался неподвижным, как совесть налогового инспектора.

— Ничего... страшного... — пробубнил профессор Вейл, проходя мимо. — Некромантия... не для... всех... Живые... иногда... слишком... живые...

Я не поняла, комплимент это или оскорбление. Но решила не уточнять.

Когда пара наконец закончилась, я вылетела из аудитории с чувством глубокого облегчения. Некромантия — определенно не мое. Жуть. Настоящая жуть. И дело даже не в мертвых — с ними как раз все понятно. Дело в этом ощущении, будто сама жизнь потихоньку вытекает из тебя, пока ты сидишь в этом подвале и слушаешь бубнеж полумертвого профессора.

— В столовую? — предложила Лили, потягиваясь. — По-

сле некромантии всегда есть хочется. Не знаю почему. Может, организм хочет доказать, что он еще живой.

— В столовую, — согласилась я. — Хотя после вчерашнего знакомства с местной едой я не уверена, что это хорошая идея.

Мы направились в трапезный зал. В коридоре нам снова встретился Кайл Вэйн. Он шел с той же свитой — двое прихлебателей, ухмыляющихся у него за спиной. Завидев меня, Кайл замедлил шаг.

— А, попаданка, — протянул он. — Слышал, у тебя и с некромантией не задалось. Камень даже не шелохнулся? Позор. Даже первокурсники с этим справляются. Хотя... ты же не настоящая адептка. Ты просто ошибка ритуала. Чего еще ожидать?

Я остановилась. Лили замерла рядом, вцепившись в мой рукав — то ли в знак поддержки, то ли чтобы удержать меня от драки.

— Кайл, — сказала я ровным голосом, — у тебя, наверное, много свободного времени, раз ты так пристально следишь за моими успехами. Может, тебе заняться чем-то полезным? Например, учебой? Или у тебя с ней тоже «не задалось», и поэтому ты самоутверждаешься за счет новичков?

Улыбка Кайла дрогнула. Один из его прихлебателей хмыкнул, но тут же заткнулся под взглядом хозяина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.